

Владимир Поселягин

ВРЕМЯ СУРКА

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Военная фантастика (АСТ)

Владимир Поселягин

Время сурка

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Поселягин В. Г.

Время сурка / В. Г. Поселягин — «Издательство АСТ»,
2020 — (Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-121060-1

Он ненавидит американцев, и ему есть за что. И поэтому, воюя в Корее, он пытается сделать все, чтобы Америка проиграла. Но что он делает не так для осуществления своей практически навязчивой мечты? Может быть, нужно убить президента США?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-121060-1

© Поселягин В. Г., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Владимир Геннадьевич Поселягин

Время сурка

Роман

* * *

Выпуск произведения без разрешения издательства считается
противоправным и преследуется по закону.

© Владимир Поселягин, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Снова покотившись с откоса под рёв мощного движка грузовика, я лежал, зажимая рану на голове, и улыбался. Шестое перерождение мне в этот раз понравилось, жаль – прожил всего три года. После того как я обнаружил на борту «Бичкрафта» ящики со станком для печатания американских банкнот, я долетел до Агуни, сбросил ящики и мешки с деньгами на парашюте. Они упали рядом с берегом прямо в кусты. Сбрасывал с небольшой высоты, надеясь, что свидетелей нет. Хотя купол парашюта рассмотреть можно. Пролетев над островом, я направился дальше. Баки практически пустые, но уже светлеет, так что, набрав высоту и настроив автопилот, я выпрыгнул из самолёта. Парашют открыл метрах в двухстах от поверхности воды, ну и заодно сбросил сумку с лодкой, активировав запуск, надувку лодки. Так что когда я упал в воду, то сразу, отстегнув ремни, стараясь держать вещмешок над головой, подплыл к лодке, где забросил подмоченный вещмешок, ну и сам забрался. Собрал вёсла, убедился, что парашют, намокнув, пошёл на дно, и погрёб к Агуни. Надеюсь, часов за десять доберусь. В вещмешке была вода, личные вещи да еда. Должно хватить.

До острова доплыл, хотя из-за ветра и течения заметно дрейфовал в сторону, чуть не промахнулся, но днём рассмотрел его на горизонте в бинокль. К вечеру добрался. Лодку сдул и спрятал, после чего пробежался к скинутому грузу. К счастью, там никого не было, проверил груз, перепрятал и замаскировал, после чего направился в очередной раз знакомиться со старым контрабандистом. Хорошо пообщались. Сначала пару дел сделали, чтобы можно было верить друг другу. А потом я попросил достать мне японскую подлодку, пообещав за неё американский денежный станок. В общем, дела закрутились. Станок мигом исчез с острова вместе с красками и оставшейся бумагой. Лодку мне подогнали, а вот экипажу платил золотом. Тем самым. Подводников у японцев не так и много было, но найти нужных специалистов для полной команды удалось. Лодка тип «Сентака», номер «I-205». По всем документам была повреждена налётом вражеской авиации и пущена на слом. В действительности отремонтирована и после окончания войны использовалась как контрабандное судно. Надо сказать, состояние у неё было ужасным, без обслуживания давно пора было отправить на слом, однако ящик золота и три инженера сотворили чудо, её не только привели в полный порядок, но и вооружение нашли, снаряды для мелкокалиберных пушек и торпеды, но всего одиннадцать штук, в работоспособности которых меня заверили. Их проверили. Ну и два десятка якорных мин. А капитан на ней и часть офицеров были с неё, они и воевали на ней с американцами. Два года лодку гоняли, экипаж тренировался, включая меня, я был старшим помощником и числился новым

владельцем лодки. Освоил лодку от и до. И вот началась война, мы поставили по несколько мин на входе из южнокорейских портов, где подорвалось несколько транспортов с грузами и солдатами, а потом торпедировали два авианосца и крейсер, выпустив общей сложностью восемь торпед, два полновесных залпа. Оба авианосца были повреждены, один ко дну пошёл, ещё бы, четыре торпеды схлопотал, другой – три, горя и садясь в воду кормой, а восьмую случайно в нос крейсер получил. Чистая случайность, наша цель авианосцы были.

Ох нас и погоняли, тут и эсминцы, и две подводные лодки, но профессионализм команды сказался, ушли. Выпустили три последние торпеды, хана одному эсминцу, отсиделись на глубине, и ушли. Только лодка в хлам была, так что, выплатив премии экипажу, я их отпустил. Лодку ремонтировать смысла не видел, тут денег не хватит и много специфичных запчастей нужно. Инженер, что с нами был, только головой качал: слишком большой ремонт. Тем более американцы, зная, кого искать – работа машин и электромоторов характерные, сразу понятно, что лодка японская, – начнут искать, узнают, кто покупал и покупает запчасти, так на нас и выйдут. Риск слишком велик. Я и тем, что выполнено, был доволен, пощёчину пиндосы получили значительную, так что экипаж покинул мою лодку, а я её затопил в самом глубоком месте Восточно-Китайского моря и из Японии на джонке добрался до Китая. Там под видом китайского добровольца – документы и лётные корочки сделал – отправился в Северную Корею. Союз и КНР уже вступили в войну, так что попал в китайскую эскадрилью, летали мы на Ту-2 китайского производства. Хорошо воевали, но ни разу налёты на корабельную американскую группировку не устраивали. Больше полугода я летал, опыта немало набрался. А когда стали собирать группу, чтобы учиться летать на советских реактивных истребителях, я и записался. Быстро выяснилось, что я всё схватываю на лету. Так что уже через три месяца я летал на «миге». На моём счету было четыре «сейбра» и одиннадцать поршневых самолётов разных типов, от бомбардировщиков до истребителей. Сбили меня в конце пятьдесят второго года над морем, пришлось приводняться. Там подошедший американский эсминец и подобрал меня. Два месяца в лагере военнопленных под Пусаном провёл. И в результате расстрел у рва, проведённый южнокорейскими солдатами. Что и привело к реинкарнации номер семь.

А радовался я не тому, что всё вот так вышло, а тому, что я наконец разобрался, что не так делаю. Нужно не искоренять зло тут, на месте, а нужно в этот раз найти того, кто отдаёт приказы. В этот раз я собирался отправиться в Северную Америку, вот там и повоюем. Только историю с подлодкой повторю, раз такая удачная вышла, аж два авианосца удалось на дно пустить. Сначала одного приглубили, и пока нас судорожно искали, шла перезарядка торпедных аппаратов и сближение со вторым авианосцем, что удирал как раз на нас на всех парах, ночью, не поняли, откуда торпеды были выпущены. И тут полновесный залп почти в упор. Странно даже, восемь торпед выпустили, и все восемь штатно сработали, и ни одного промаха. Что это – везение или профессионализм? Я думаю, последнее. Капитан подлодки воевал с начала, с сорок первого, так что опыта имел много, коим со мной тоже изрядно делился. А я учился, уже убедился, что все знания и опыт всегда пригодятся.

В общем, отлежавшись от наезда грузовика, я повторил всё, что в прошлый раз делал – если тактика отработана, то почему бы и нет? Так что взял двух американцев и спрятал грузовик. Дальше посещение военного медика, что швы наложил, переоделся, подготовился, угнал «Дуглас» с китайскими опознавательными знаками и золотом на борту. В этот раз долетел на бреющем до пустынного японского берега в районе Киото, там совершил посадку, я ещё в прошлый раз присмотрел удобное место. Разгрузил машину, вырыл большой схрон, спрятал там все трофеи, замаскировал, убедился, что свидетелей нет, и ночью, взлетев, вернулся на маршрут самолёта и покинул его рядом с Китаем. До южнокорейского берега добрался на спасательной шлюпке. Действовал немного по-своему, не повторяя прошлые разы. Самолёт на автопилоте улетел, где упадёт, не знаю, но сомневаюсь, что до Китая долетит, раньше грохнется. Тут и резкий порыв ветра может сказаться, и топлива не хватит. Дальше действовал по старой

схеме: бухгалтера казино и несколько офицеров ограбил, работая под уличных грабителей. Ну и наконец, дождавшись вылета «Бичкрафта», поднялся на его борту в небо и уже привычно, не в первый раз, пристрелил экипаж из двух человек, пилота и штурмана. Дальше всё то же самое: сбросил груз на Агуни, покинув самолёт, тот дальше сам полетел, пообщался со старым контрабандистом. В этот раз золота меньше потратил, уже знал, какие цены и сколько стоит. Так что лодку восстановили, команду набрали, и началась учёба. Я уже опыт имел, два года плюс боевой поход, так что работал на лодке уверенно и продолжал впитывать бесценный опыт капитана Гото-сана.

Снова два года изучения лодки. На топливо я не скупился. Но в этот раз закупил куда больше запчастей, со старых складов японского флота, то есть помня, какие повреждения получит лодка, я заранее подготовился и всё имел. На небольшом пустынном островке спрятали, там же запасы топлива, хватит дважды резервуары субмарины наполнить. Сварочные аппараты, инструменты – провести ремонт вне доков тут было возможно. Заплатил больше денег, и мне нашли торпеды, ещё сорок штук, там же на остров на лодке мы всё и перевезли. Кроме команды, о базе нашей никто не знал. Запасы провизии тоже были велики. Ну а дальше, дождавшись памятного дня, в этот раз с моими подсказками промахов не было, мы били чуть ли не в упор. Не ожидали американцы, что в их строю ночью окажется чужая субмарина. Свои две в надводном положении шли малым ходом, команды проводили работы на палубе. Третья находилась у берегов Северной Кореи, проводила разведку. Поэтому по одной торпедой ушли в подлодки, в прошлый раз они нам немало крови испортили. Две другие торпеды по авианосцам были выпущены, по одной на каждый, чтобы не сбежали. Три эсминца и два тральщика, что были подготовлены к противодействию субмаринам, рванули на наши поиски, а пока шла спешная перезарядка торпедных аппаратов. В том отсеке службу проходили самые крепкие из японцев, да и цепи с таями, подвешенные под потолком, им помогали. Мы поднырнули под оседающий на корму авианосец, ему наша торпеда вошла между винтов, напрочь лишив того хода. Вот под авианосцем и стояли, перезаряжаясь. На борту штатный боезапас четырнадцать штук, четыре в носовых аппаратах, кормовых на лодке не было, и десять в торпедном отсеке хранятся. Но мы на борт взяли шестнадцать, это был мой приказ, ещё две лежали на полу в других отсеках, их матами закидали, чтобы по ним ходить можно было, но всё равно двое ноги подвернули, ладно хоть переломов нет.

Второй авианосец спешно уходил, попадание в центр, похоже, его не сильно ранило, убежал вполне быстро, а теперь против нас пять противолодочных кораблей, крейсер убежал вместе с авианосцем. Причём эсминцы и тральщики знали, где мы укрылись, но достать нас не могли, мы на пятидесяти метрах были, а те, кто нас мог достать, уже лежат на дне. Это я про обе американские подлодки, что камнем ушли на дно после попадания торпед. Торпед с наведением на звук у них не было, да и от авианосца звуков больше, а глубинными бомбами нас не достать. Мы в норке. Так что после перезарядки наш капитан показал настоящий класс. Я подобную работу видел в прошлый раз. С глубины сорока метров – мы чуть поднялись, задрал нос, – находясь под американским авианосцем, не используя перископ для прицеливания, а только данные с поста звукоулавливателей, он по одной выпустил торпеды в разные стороны на шум чужих машин. В результате один промах, взрыва так не дождались, и три подрыва. По разным кораблям, значит, кого-то мы достали, а так как вокруг авианосца наматывали круги противолодочные корабли, то их мы и достали, уполовинив. Началась новая перезарядка, а мы думали, что делать. Да, спрятаться смогли, но как покинем тушу, что нас прикрывает, то сразу попадём под глубинные бомбы. А уходить нужно. Поэтому решили драться до конца. Звукарь сообщил, что два оставшихся противолодочных корабля отбежали в сторону, поэтому, перезарядившись, мы задним ходом вышли из-под авианосца и всадили ему в бок четыре торпеды, после чего снова ушли на глубину, перезаряжаясь и уходя в сторону, где всё заглушили и замерли. Авианосец

тонул, пока вскоре не ушёл на дно. А эсминец и тральщик нас искали, звукарь уже определился, кто против нас остался. Утопили мы два эсминца и один тральщик.

В эту игру в кошки-мышки победили американцы, хотя мы и потопили тральщик, но эсминец нас достал, гонял ещё шесть часов, и вот от близкого разрыва бомбы заклинило рули, начали заполняться водой балластные цистерны, и мы пошли ко дну, а вскоре чудовищное давление смяло лодку.

* * *

Восьмая реинкарнация прошла как и шестая. Золото в этот раз я в Китае спрятал, потом приобрёл подлодку и остальное. Мы утопили оба авианосца, одну подлодку, два эсминца и тральщики, повредили эсминец, крейсер и судно РЭБ. Досталось нам тоже немало, но в этот раз я отказался от подготовки базы на острове. Приобрёл грузовое судно, чтобы обязательно грузовая стрела была, там были все запчасти, топливо и торпеды. Потрепали нас гораздо меньше, ремонт не сложный, так что, уйдя от преследования к берегам Северной Кореи, там их местная авиация отогнала, мы на глубине укрылись. И следующими сутками дойдя до Китайских берегов, сделав заметный крюк, ушли в Восточно-китайское море, а оттуда к Тайваню, где и ждало нас судно обеспечения. Капитан на нём тоже воевал в недавней войне и ненавидел американцев. Да всех из таких набирали. В общем, на пустынном берегу, куда мы вытащили лодку, шёл ремонт. Замаскировали её масксетями и две недели вели ремонт, пока всё не восстановили. А дальше покинули Тайвань и пошли к берегам США. Повторно устроить тарарам у флотской группировки ООН рядом с Кореей можно и не мечтать, там приняли все меры безопасности, больше не расслабляются. На подходе перехватят. Кстати, мы потопили два американских авианосца, эсминец и подлодку. А вот ещё эсминец и тральщик были британскими. Это уже на Тайване узнали. Кстати, наша лодка была заново покрашена, в цвет флота Северной Кореи, хотя что там за флот, катера одни, нанесены опознавательные знаки флота, и вся команда, включая офицеров, носила военно-морскую форму северокорейского военного флота. Мы работали под них. Ушли ночью, нас буксировало судно, мы ресурс двигателей берегли, они и так побегали, менять нужно. Так на буксире и двигались. Один раз вдаль самолёт пролетал, видимо патрульный, поэтому поспешили уйти под воду. Нас, похоже, не обнаружили. И вот сюрприз, в сопровождении пяти эсминцев в сторону Кореи шёл американский авианосец, а следом за ними – конвой из двенадцати транспортов. Мы такую цель не могли упустить.

Судно обеспечения спешно стало уходить в сторону, чтобы не подумали, что оно тут как будто при чём, а мы двигались весь вечер и полночи, обогнав на надводном ходу группировку американцев, встали у них на пути, заглушив все системы, на перископной глубине. Воздушной разведки мы не обнаружили, потому действовали уверенно. Потом пришлось уйти в сторону, чтобы поразить авианосец, и мы выпустили четыре торпеды. Одна, к сожалению, оторвала корму эсминцу, тот сразу на дно ушёл, видимо глубинные бомбы сдентонировали, ещё одна мимо, и две в авианосец попали. Тот пока держался на воде, хотя ход и потерял, но на нём возникли пожары. Возможно, были поражены цистерны с топливом для самолётов, слишком ярко полыхала палуба, это со слов капитана, он увидел всё в перископ, прежде чем мы на глубину ушли для перезарядки. Дальше снова игра в кошки-мышки, где мы вышли победителями. Нам бы свалить, своё дело сделали, догнать судно обеспечения, но жадность разыгралась, конвой не бросили, стороной обогнали его в надводном положении и уже при свете дня торпедировали ещё три судна и один эсминец. А авианосец полностью выгорел и тонул. В этот раз нам уйти не дали...

Снова я качусь кубарем с откоса, и вдали стихает мощный движок американского грузовика. Ночью, напившись воды, я раздумывал над всеми событиями. Почему всё так происходит, что раз, и конец близко? Опыта я набираюсь каждый раз немало, но всё равно он мне слабо помогал. Да, всё верно, все пробные жизни только подтвердили, корень зла нужно искать в Америке, но всё равно сразу я туда не отправлюсь.

В общем, я снова пошёл по проторенному пути. Золото на китайском побережье зарыл, но вот что важно, денежный станок отправил в Шанхай. Нашёл китайскую триаду и просто продал всё за сто тысяч английских фунтов стерлингов. Станок по печатанию денег на деньги меняю, смешно. Условие я поставил одно – выпустить как можно больше фальшивых долларов, чтобы обрушить финансовую систему США. Не скажу, что меня послушали, но к сведению приняли. А вообще странно, что не ограбили, а расплатились и забрали станок, всё по-честному. Дальше, платя золотом, купил подлодку, восстановил её, команда та же, два года подготовки и очередной бой с флотской группировкой ООН. В этот раз сработали даже лучше, чем в прошлые случаи. Тормознули оба авианосца по одной торпеде в корму, чтобы не сбежали, утопили обе американские субмарины и нырнули для перезарядки, дальше добили авианосцы, пустив их ко дну, крейсер и два британских эсминца. А уходя и два тральщика. В этот раз нас так потрепало, когда всплыли через девятнадцать часов, море чистое было, инженер сказал, всё, лодка больше под воду уйти не сможет. Только камнем. С трудом доползли до Аичи, там моряки сошли, я расплатился за работу, а лодку утопил.

И в этот раз я отправился в Китай, выправил документы и отправился на войну. Помня, как и где сбили мой «миг», я провоевал до того момента, воевал лучше, зная историю этой войны и неся противнику больше потерь. И тот бой я пережил, хотя вернулся на аэродром один из звена, сбив три американских реактивных истребителя. Их против нашей четвёрки двенадцать было. Общий мой счёт дошёл до сорока двух сбитых, а ведь я ещё и бомбардировщиком был. Однако война закончилась в октябре пятьдесят третьего, и северянам досталось больше земель, чем я помнил, однако после перемирия остались Северная и Южная Кореи. После войны я оказался за бортом, никому не нужным. В Китай возвращаться не стал, а отправился на Тайвань, где получил документы и купил джонку. Доплыл до спрятанного золота, два ящика осталось, два других ушли на подготовку атаки флотской группировки из-под воды. Ну, стал просто жить да вредить американцам по мелочи, шесть гражданских грузовых судов на дно пустил, но это так, детские игры. Я поучаствовал ещё в трёх локальных конфликтах, находясь на той стороне, что против американцев. Или точнее, против тех, за кого они выступали. Да, я ещё прожил в США шесть лет, в разных штатах, изучая их. Убил из винтовки пять сенаторов, двенадцать банкиров известных фамилий и вице-президента. Умер я в возрасте девяноста одного года в Аргентине, на своей вилле в окрестностях Буэнос-Айреса. Женат был на кореяночке, очень красивая девушка. Это была та самая Вон, с которой в одной из жизней пережил бомбардировку Пхеньяна. У нас было двое детей. Умерла она в возрасте шестидесяти трёх лет, а я год повдовствовал и женился на аргентинке сорока двух лет, хотя мне было пятьдесят восемь. И тут дети были, сын и дочь, тоже наследники. Общих внуков у меня было двенадцать. А правнуков восемнадцать. Вот праправнучка всего одна, ещё два ребёнка на подходе, но не дожил.

Одно я могу сказать, идея отдать печатный денежный станок китайской мафии дал плоды. Они таки обрушили финансовую систему США, денег было столько, что их в Китае чуть ли не как туалетную бумагу использовали. Их целыми судами развозили в другие государства, и постепенно доллары обесценились. Сейчас основная валюта – это английские фунты и, неожиданно, японские иены. Сейчас, конечно, американцы оправились, но последние тридцать лет им было очень тяжело, экономика на волоске висела. Неудивительно, что участвовали всего в трёх войнах, гораздо меньше, чем в моей памяти. Вьетнама тут не было: Лаос, Панама и Ирак. Всё.

* * *

Снова катясь под откос, я замер на ярко-зелёной траве и, зажимая рану, под удаляющийся рёв двигателя размышлял. Мне было плохо, телу досталось, голова кружилась, да ещё кровь на голове, однако способности трезво мыслить я не потерял. Я был уверен, что в этот раз всё, прожитая жизнь не зря, всё, что я мог, всё сделал. Я в первые жизни по всем реинкарнациям прожил до глубокой старости и умер своей смертью. Но что опять не так? А ответа нет. Я воевал, перебил большое количество южнокорейских солдат и солдат войск ООН, или не это важно в этой истории? Не понимаю. Ладно, попробуем Советский Союз в этот раз вплести, пожить там.

Наутро я отправился дальше, устроил засаду на двух американских солдат, мне нужно на что-то было жить, и для начала трофеи с этих двух – самое то. Грузовик в этот раз перегнал в Пусан. Оставил пока на въезде, заперев. Пробежавшись по городу, закупив вещи, отогнал грузовик местным мафиози, я их уже по именам знал его купили вместе с грузом за две-сти долларов. Поселился в той же гостинице, где когда-то Анну встретил. Дальше провернул всё по старой схеме, мне требовались средства. Ограбил бухгалтера казино и двух американских офицеров, деньги все поменял в банке на советские рубли. После этого пробрался на борт «Дугласа» с китайскими опознавательными знаками, уничтожил экипаж и, перехватив управление, на бреющем полетел к Хабаровску. А пока летел, подготовил груз с золотом к выбросу. Выбрасывать не пришлось, найдя отличное место для посадки – это китайское побережье, – совершил посадку и отдыхал тут пару дней, пока готовил схроны, два в километре друг от друга, с отличной маскировкой, а потом, взлетев, полетел дальше. Рядом с Хабаровском выпрыгнул из самолёта на трёхкилометровой высоте. Специально поднял, чтобы радары засекли, дальше на автопилоте полетел, а я совершил затяжной прыжок, открыв парашют метрах в трёхстах от земли. Тут сплошная тайга, на сосну чуть не сел, скатился по веткам. Ночь стояла, специально так время подгадал. Содрав купол с верхушки дерева, сжёг его, спрятав в ближайшем ручье остатки, и побежал дальше. Пока падал, вроде дорогу приметил, полоса пересекала лес, и действительно, выбежал на убитую машинами дорогу. По ней и рванул дальше, добравшись до перекрёстка, тут дорога была не лучше. Имелись старые следы грейдера на обочине, но дорогу снова так разбили, что ровнять тут нечего. По обочине я и шёл, почти весь остаток ночи.

Прошёл ночную деревню, там одна собака на мой запах среагировала и остальные подхватили. Нашумели гады. Однако с рассветом добежал до окраин Хабаровска. Километрах в пятнадцати я от него выпрыгнул. Пару раз меня грузовые машины нагоняли со спины, я укрывался, все они двигались в сторону города, и на рассвете повстречался колёсный трактор с тележкой. В городе я добрался до рынка, тот уже открывался, мне одежду нужно сменить. В общем, купил лёгкую летнюю одежду. Штаны, рубаху, два комплекта нательного белья, лёгкие туфли. Кепку обязательно, без головных уборов тут не ходили. Чемоданчик. Свою одежду и обувь продал. В чемоданчик убрал все вещи из вещмешка и сумки, их тоже продал, оставив один чемодан. Потом в рядах нашёл армейский сидор, он не так внимание привлекал, приобрёл, как и съестное, в пути потребуется. Я решил отправиться в Казань. В общем, приобретя что нужно, добрался до касс железнодорожного вокзала. Там купил купейный билет на Казань и стал ожидать, отправка через три часа. Вспомнив о магазине музыкальных инструментов, купил гитару и запасные струны, как и в прошлый раз.

Всё пока хорошо, но стоит отметить, что у меня долго не было практики в разговорном русском, акцент появился. Пришлось почаще общаться, надеюсь, вскоре тот пропадёт. Погружение в языковую среду в этом хорошо помогает. Благополучно сев в поезд, я отправился по маршруту. В планах добраться до Казани, сделать себе документы, получив паспорт шестна-

дцатилетнего, желательно аттестат об окончании школы, и можно отправляться в Москву. В общем, я хочу прожить жизнь обычного советского гражданина. Посмотрим, закончу я эту очередную череду возрождений или нет.

* * *

Прокатившись по склону, зажимая рану на голове, я лишь взвыл в ярости. Ну сколько можно?! Ответа у меня не было на этот крик души. В этот раз я прожил в Союзе до сорока пяти лет и погиб при задержании преступника в восьмидесятом году. Я майором в райотделе Москвы работал. Своя квартира, машину взял, «Москвич-412», каждое лето на Чёрное море ездил, отдыхал с женой и детьми. У меня их трое. А жена узбечка. Одно понятно: это тоже был тупиковый путь. Однако та жизнь мне вполне понравилась. В Союзе мне жилось хорошо, часто путёвки в санаторий МВД давали, я не отказывался. Жена – врач-терапевт, всё у нас в жизни хорошо было, дети почти взрослые, а тут выстрел из темноты и новое перерождение.

Ночью, пока крестьяне-беженцы, что мне помогли, сидели у ручья, меня уже напоили и накормили, я размышлял. Надо всё менять. Сначала и до конца. Как обычно, американцев на дороге убивать не буду. Вообще всё изменю. Прогуляюсь до Пусана, сдам оба самолёта криминалу, думаю, золото и печатный станок их заинтересуют, и переберусь в США. Пора. Достало всё. Решено, так и поступлю. Поглядим, что из этого выйдет.

Утром, попрощавшись с крестьянами, как и всегда кормить они меня и не думали, я поспешил прочь. Добравшись до рисовых чеков, тут вода теплее, чем в ручье, хорошенько помылся, стараясь не трогать полотенце на голове. Снова одевшись – неприятно на чистое тело эти грязные лохмотья надевать, но нужно, – я отправился в Пусан. Американцы, водитель-засранец и сержант-негр, уже наверняка дальше поехали. Добравшись до окраин – а денег нет посетить местного военного медика, – отправился в бесплатное лечебное заведение для бедняков. Открыли тут что-то вроде от Красного Креста. Идти недалеко было, только длинная очередь была, но меня с открытой раной пропустили вперёд. К моему удивлению, мне там бесплатно обработали рану, вполне профессионально зашили, но хотели наложить бинт, а не пластырь. Сказав, что хочу постричься, услышал предложение обрить налысо, на что я согласился. Это сделали, и уже бинт лег на чистую и помытую голову. Я даже поклонился им выходя. Кстати, такую операцию я и сам проведу при наличии зеркала и медикаментов, всё же сельский фельдшер, да и в той жизни, где до девяностолетнего рубежа дожил, практики в этом деле немало имел, опытный я медик. Но не врач.

Добравшись до рынка, стараясь скрыть бурчание желудка – в отличие от бесплатной больницы для бедняков, бесплатных кормёжек не было, нужно своими силами добывать питание, – я осмотрелся. Нужно прикинуть, как можно заработать. В такие моменты жалеешь, что тех двух американцев не придавил. Тем более каждый раз за дело. Водителя так точно. В общем, я пошёл к криминалу. Найти местного главу труда не составило, я знал, кто он и как его найти. В прошлый раз дела имел, тот же грузовик с мебелью продавал. В общем, меня провели к нему, обыскав.

– Не смотри на вид, это маскировка, – первым делом сказал я главе.

К слову, этот глава криминальной жизни и бизнеса Пусана ранее был полицейским офицером, но, как и отец Пака, попал под репрессии. Но он сбежал и устроился, подмяв под себя всё дело, частично своих людей перетаскив. А из полицейских становятся самые такие авторитеты и дельцы теневого бизнеса. Они многое могут.

– Говори.

– Есть платная информация. Хочу получить за неё десять тысяч долларов. Проверить её трудно, но информация реальная. Готов уступить пять за неё и взять другие пять тысяч американских долларов.

– Дам тысячу. Говори.

– Хм, я тороплюсь, поэтому согласен. Через несколько дней от банка Пусана на военный аэродром поедет армейский грузовик. Охрана два солдата с автоматами и офицер. Груз секретный, но я знаю, что в ящиках. Их четыре, в каждом по пятьдесят килограммов золота в самодельных слитках без клейм. Его погрузят на борт «Дугласа» с китайскими обозначениями. Это маскировка. Брать машину на дороге не советую, будут искать и всё равно выйдут на вас. А вот если на борт проникнет ваш человек, вооружённый лётчик, то сможет захватить его. Можно спрятаться в грузовом отсеке, он маленький, но один человек уместится. А как самолёт взлетит, уничтожить экипаж, их три человека без охраны, и угнать самолёт. Взлетел и пропал, поди найди, на вас уже не подумают. А вы отправите судно и примете самолёт где-нибудь на берегу или на мелководье.

– Интересная информация.

– Это ещё не всё. Есть информация по денежному печатному станку. Доллары американские печатает. Предлагаю так: вы проводите первую операцию по захвату золота и выплачиваете мне деньги, и я сообщу вам, где можно перехватить этот станок. Учтите, американцы его будут искать сильнее, чем золото. Всё перевернут. Так что думайте. А пока за ваш счёт я бы хотел получить комнату и сытную еду.

– Меня это устраивает, но ты будешь под охраной.

– Без проблем.

Меня заселили в гостинице, что принадлежала главе, выставили охрану и действительно кормили от пуза. Я каждый день мылся в душе, стараясь не мочить голову, хотя губкой по ней проходил. Осторожно тренировался. Еда была однообразной – рыба разных видов, рис и овощи. Информацию подробную я дал, и на следующий день после захвата самолёта меня снова пригласили к главе.

– Вот твои деньги, – положил тот на столешницу пачку банкнот, которые я тут же убрал в карман. – Ты был прав насчёт золота. На аэродром соваться мои люди не рискнули, взяли их на дороге. Всё чисто прошло. Говори насчёт станка.

– За него попрошу пять тысяч.

– Я и так в плюсе. Хорошо.

– Тогда деньги сейчас и отпускаете меня, я покидаю Корею и не хочу сюда возвращаться.

– Согласен.

– Его повезут через месяц, на самолете «Бичкрафт» с военного аэродрома.

Я подробно описал, что и откуда повезут. Глава записывал мои слова, после чего отсчитал деньги, достав их из сейфа, протянул мне, пересчитывать я не стал, чем явно произвёл на главу хорошее впечатление, и меня выпустили из здания казино, где этот глава и находился. Однако то, что слежка имеется, я заметил, когда направился на рынок. Я всё ещё ходил в обносках. Да, постирал, высушил, но обносками они от этого быть не перестали, только чистыми, и всё. Я знал, что покупать, сменил одежду, простые брюки, рубаху, крепкий ремень, неплохие туфли, нательное бельё. Сразу переоделся, а свою одежду и котомку продал. В этот раз не на нож поменял, а на широкополую шляпу, что подходила к одежде. Купил японский военный вещмешок и обычную, но новую котомку. Приобрёл мыло, полотенце, зубную щётку и пасту, зеркальце и расчёску. В будущем пригодится. В общем, привычный набор. Съестное. Всё те же банки с тушёной рыбой, сухари и галеты, риса пару кило. Из утвари взял только японскую армейскую фляжку, охотничий нож, большую кружку и ложку. Специй и соли также приобрёл. Стопку лепёшек взял и вяленого мяса.

Вот так загрузившись, посетил китайскую пельменную, где хорошо поел, и сбежал от наблюдения через заднюю дверь общепита, скрывшись в улицах. Едва успел спрятаться в щель между домами, как пробежало трое с пистолетами в руках. Похоже, убраться меня хотели, как свидетеля. Вполне понятно, я бы так же поступил. Темнеть начало, так что я отправился в порт, где нашёл как раз отходящую джонку, их в порту больше сотни было, и, купив место в матросском кубрике, забросил вещи в общую кучу, тут под потолком сетка висела для багажа, а сам устроился в гамаке и, покачиваясь, уснул. Джонка уже выходила из порта.

Плавание заняло больше двух суток, а всё из-за небольшого шторма и часто дующего встречного ветра, однако всё же добрались до Фукуоки. Там я сошёл в порту, дав взятку таможеннику, и отправился в таможенную службу, где получил временный документ и разрешение находиться в Японии в течение трёх месяцев.

Задерживаться я не стал, сменил азиатские одеяния на вполне пристойные европейские одежды, старую одежду продал в магазин китайцев, что торговали подобным товаром. Там же и закупался. И трость, о да, моя трость, её я купил. Так вот, задерживаться не стал, а купил билет на канадский сухогруз, что грузился рисом и готовился отплыть в Ванкувер. Отходил он только через два дня, поэтому я просто гулял по городу. Ну и в день отбытия прибыл на борт, мои японские документы вполне подходили для покупки билета, и вселился в одноместную каюту. Небольшую, второго класса, но вполне комфортабельную. Галльон в конце коридора, там же душевая, но раковина была в каюте. Большую часть пути я просто гулял по палубе, а в каюте, используя это тесное помещение, отрабатывал удары в замкнутом пространстве и тренировался. По четыре раза в день по часу. Прогулки по палубе в это время не входили. Я лишь четыре раза прогулки пропускал, когда шквальный дождь шёл. А так полтора месяца, и показались берега Канады. Судно было не особо ходким, но надёжным и очень мореходным, держалось в двух штормах, что мы пережили вполне достойно.

В порт мы вошли через сутки, там ещё пролив потребовалось пройти, поэтому, как на якорь вставляли я не видел, ночью спал.

Надо отдать должное капитану, прежде чем утром отправить нас на берег, для этого были наготове две судовые шлюпки, он велел накормить нас завтраком. Можно сказать, последняя услуга от команды. На этом всё, вещи у меня уже собраны были, так что покинул борт судна с другими пассажирами, в первом рейсе. На берегу нас отправили в здание таможенной службы на регистрацию. Когда подошла моя очередь, таможенник, рассматривая иероглифы, спросил:

– Где паспорт?

– Мне пятнадцать, ещё не выдают.

Тот молча поставил штамп, и всё на этом, я вышел из здания, держа в руках картонный листок памятки, где написано, что можно, а что нет, он был на английском, мы на нём и общались, и направился прочь от порта. Я уже выяснил, в городе была железная дорога, но куда она идёт? Меня интересовала граница Канады и США. Именно туда я и хотел отправиться. Сняв номер в гостинице, я пошёл в ресторанчик и там пообщался с персоналом. Английский тут повсеместно звучал, хотя слышал и французский. Его я в одну из реинкарнаций изучал, говорил плохо, читал тоже, но понимал хорошо. Оказалось, граница между государствами совсем близко от города. Рукой подать. А до Сиэтла, уже американского города штата Вашингтон, от Ванкувера всего сто сорок миль. Чуть больше двухсот километров, если на наши пересчитать. Подумав, я отправился по магазинам. Туристские тоже есть, но в основном ориентированы на морской туризм, удочки, спиннинги и всё такое. Даже надувные лодки продают. Я нашёл нормальный товар, в магазине имелось всё для походов. Приобрёл специальный велосипед – редкая модель для туризма, с двумя багажниками, спереди и сзади, – туристскую одежду по размеру, фактически детская получается, обувь тоже, высокие ботинки на шнуровке, куртка

утеплённая. Лето-то заканчивается. Купил рюкзак, палатку, одеяло, котелок и всё, что необходимо для жизни на природе. Леску и всё необходимое для рыбалки тоже приобрёл. Отлично закупился.

Все покупки я отнёс, или точнее укатил на велосипеде в гостиницу, подняв в номер. Велосипед собран был и готов к использованию. И стал укладывать всё в рюкзак. Отправиться дальше я планировал завтра. А вообще к границе шла дорога на Сиэтл, и там стоял пропускной пункт, но пересекать его я не собирался, перейду границу незаконно. Моя цель – убийство президента США до начала войны в Корее, и я решил выполнить свой долг честного человека. Пусть это лишь пешка в руках банкиров, но начну с него, а закончу ими. Так что на территории США я буду находиться незаконно, и законы их соблюдать тоже не собирался. А закончив сборы, направился в магазины, припасы купить. И сейчас же, закупив солидный запас, тут бобы были и картошка, вернулся в номер. Окончательно закончив сборы, пересчитал наличные, со всеми тратами у меня осталось пять тысяч четыреста двадцать два доллара с центами. Самая большая трата – билет на грузопассажирское судно. В общем, сумма у меня на руках очень солидная. В Америке на эти деньги могу купить автомобиль представительского класса или два менее престижных. Новеньких с завода. А закончив всё складывать, отправился гулять, так до вечера и гулял, в ресторанчике поужинал и, ещё погуляв, отправился спать. Все достопримечательности я успел посмотреть. Ранее в этом городе бывать мне не доводилось.

Утром выписавшись из гостиницы, сообщив, что решил посмотреть дикие красоты Канады, мол, на дикой природе проживу, оседлал велосипед и покинул город по дороге, что вела в сторону Атлантического побережья, то есть в глубь Канады. Двигался вдоль железнодорожного полотна. На выезде полицейский, что стоял у машины, проводил меня долгим взглядом. А отъехав подальше, я свернул и по лесам перебрался ближе к дороге, что вела в сторону границы с США. Двигался недолго, нашёл подходящее место для днёвки, ручей рядом, поставил палатку, разогрел обед и вскоре уснул в палатке. Ночь – вот моё время. Самое то.

Как ни странно, но поездка по диким краям Канады мне понравилась. Ну почти диким. Однажды медведя, что ловил в реке рыбу, видел. Метрах в тридцати от меня дело было. Я там же лосося выловил и сготовил на ужин. Неделью катил, не торопясь. По дороге и ночами, чтобы не было свидетелей. Было такое, видел свет фар, уходил с трассы, давал проехать и возвращался. Границу пересёк без проблем. Видел вдали приграничный пункт, там машины останавливались, печати, как я понял, ставили, но я обошёл стороной и, вернувшись на трассу, так и катил, пока не увидел в очередную ночь огни Сиэтла. В этот раз на днёвку я встал с довольным видом. Добрался.

Улёгся в полночь, поэтому встал ближе к девяти утра. Приготовил завтрак, припасы ещё были, поел, спрятал в лесу вещи, рюкзак, тук палатки и вещмешок с котомкой и, собравшись, покатил к городу. А прямо открыто. К обеду был в городе. Покатался, не особо привлекая внимание, азиатов немного, но всё же были, в основном японцы, вот они на меня более внимательно смотрели, сразу опознав во мне корейца. Это для европейцев мы на одно лицо. Я купил припасов, приобрёл карту Америки, всех штатов, и, пообщавшись с местными, узнал, что у Сиэтла аж два аэродрома, военный и гражданский. Последний только недавно открыли, и теперь в городе имеются постоянные пассажирские авиалинии. А вот у другого местного жителя удалось выяснить о третьем аэродроме – частном, где держали свои машины местные любители авиационной техники. Да, там располагался авiakлуб.

Вернувшись к месту стоянки, я достал спрятанные вещи, снова поставил палатку и устроился на ночь. В этот раз спать буду ночью. Насчёт самолётов я думал и пока отложил эту идею. В принципе, она хороша, смогу быстро перемещаться, но есть минусы, угнанный самолёт будут искать, и с топливом проблемы. Есть ещё один транспорт, вполне подходящий и неприметный,

хотя и не такой скоростной. Автомобиль. США уже имеет отличные дороги, и можно проехать с одной стороны континента до другой, главное – иметь подходящую и надёжную машину. Ну и документы, если полиция остановит, что тоже вполне возможно. Правда, тут их выдают в шестнадцать лет, так что буду изображать шестнадцатилетнего. Вот только где достать подобные права? К японцам обращаться смысла нет, ещё и сдадут копам. Мафия может помочь. Надо подумать. Насчёт машины, видел площадку, где продают подержанные авто, там можно подобрать подходящую. Кстати, там же видел пару автобусов, переделанных в дома на колёсах. По деньгам потяну, только на черта? Мне машины хватит, а спать в палатке и мыться в ручье вполне смогу. Я привык, и мне нравится жить на природе.

Следующие два дня я посещал Сиэтл, в этот раз не в туристской, а обычной лёгкой, летней, европейской одежде. Бродил по магазинам, изучал город, обедал в кафе, искал возможность достать документы. Я предпочитаю подстраховываться от случайностей. Я не нашёл мафию, видимо прячется хорошо, или плохо искал, но благодаря помощи говорливого бармена вышел на чиновника, что занимался оформлением документов на беженцев. Именно беженцев, а не эмигрантов. За каких-то пятьсот долларов у меня на руках оказались полные документы гражданина США, даже не соискателя. Записали как китайца с Тайваня. Водительское удостоверение тоже выдали. Спросили, умею ли я водить, ответил – да, мне вручили справочник по ПДД и выдали права. Вот и всё. Так что, покинув нужный департамент, я прошёлся до стоянки подержанных машин. Ко мне уже спешил продавец, широко и радостно улыбаясь, как будто выиграл в лотерею миллион.

– Что-то интересует, или посмотреть? – спросил тот с ходу.

– Интересует. Хочу машину купить. Ехать далеко. К родственникам, потом обратно в Сиэтл. Тысяч десять миль проехать нужно. Поэтому машина требуется надёжная, чтобы не подвела.

Продавец на минуту завис, явно перебирая мысленно подходящие машины. Кстати, несколько машин на его площадке имели армейскую раскраску.

– Дом на колёсах? – наконец спросил тот с надеждой.

– Нет. Универсал желательно, чтобы, если что случится, в машине можно было переночевать.

– Хм, есть у меня подходящие машины. Например, «Шевроле Субурбан», третье поколение, большой салон. Прошлого года выпуска машина. За две тысячи отдам.

– Посмотреть надо. Да и цена не радует.

– Можете поторговаться, – широко улыбнулся тот.

Осмотрев «Субурбан», отказался от этого дорожного монстра. Поэтому, осмотревшись, решил сам побродить по площадке, вдруг что понравится? И действительно: заметил одну прелесть. Форд-пикап в жёлтой раскраске. Кабина большая, поэтому я сразу окрестил его «мордатенький». Хотя «головастик» больше бы подошло. Машина явно свежая. В кабине полноразмерный диван, я на нём улягусь и ноги вытяну, не касаясь дверей макушкой и ногами. Подозвав продавца, тот рядом ошивался, попросил описать характеристики машины. Оказалось, первый «F-Series Truck» – более известный как «Ford Bonus-Built» – был представлен в тысяча девятьсот сорок восьмом году. На тот период пикап серии F имел современный дизайн с цельным лобовым стеклом и интегрированными фарами. Опционально для этой серии были доступны плунжерный стеклоомыватель, солнцезащитный козырек, освещение салона. Для грузовичка была также доступна опция по обвесу дополнительным хромом с двумя хромированными рогами на бампере. Грузоподъёмность – тонна. Имеется чехол, чтобы закрывать кузов. Чехол идёт в подарок при покупке машины. Я её всю облазил, на спидометре всего триста миль накатано, может, и скрутили, но судя по ходовой, машина и не побегала особо. Мне её загнали в смотровую яму, в сервис при площадке подержанных машин, и там мастер сообщил,

что машину сам проверял, отличная, продала вдова фермера после того, как тот упал с коня и сломал себе шею. Мы долго торговались с хозяином площадки, он и выступал тут за продавца, и всё же ударили по рукам. Продал тот мне пикап за тысячу семьсот восемьдесят шесть долларов. Но вместе с чехлом для кузова, бонусом подарит шесть канистр для бензина, полный набор инструментов и насос, и оформит машину на меня. С последним проблем нет, видимо связи в полиции имел. Так что машину отогнали к полицейским, и уже через час оформление было закончено. Я и номера получил. Машину отогнал в сервис, где механик подготовит её к долгой дороге, он же номера прикрутит. Страховку на машину я тоже оформил. Мастер сказал, что могу забрать машину завтра часов в десять, так что, сев на велосипед, я покатил к своему лагерю и устроился на ночь. Снимать номер в одной из гостиниц Сиэтла я и не думал – природа, мне она тут нравилась. Чувствовал себя как в нашей тайге на Урале. Бывать мне там доводилось. Да и служить тоже.

На следующее утро, оставив все вещи в лагере – светить ими в городе не хотел, – поехал в город. Там заехал в сервис и принял машину. Мне всё проверили, бак полный, масло тоже в норме, даже воду в стеклоомыватель залили. Ну и все шесть канистр залиты под пробку бензином. Стоят в кузове, закрытом чехлом. Я всё проверил, по квитанции восемнадцать долларов за обслуживание и дополнительно десять за допуски и бензин, но я уплатил тридцать. Сев в машину, ещё раз попробовал её на ходу, а то только от полицейского участка обратно перегонял, и покатил к заранее присмотренному магазину. Он был туристский. Там я купил ведро и летний душ – сунешь шланг в ведро с водой, качаешь ногой как насосом, и вода из лейки течёт на тебя. Вполне удобно. Также банное полотенце и халат, купил складной стол и два стула для выезда на природу. Потом продуктов набрал, канистру воды, в некоторых местах буду проезжать, где с этим проблемы, приобрёл шланг и воронку. После этого, покинув город, добрался до лагеря. Машина по бездорожью пёрла только так. Там снял с кузова велосипед, между прочим этот кузов не такой и большой. Разместил вещи, сверху велосипед, закрыл всё чехлом и завязал специальным страховочным шнуром.

После этого, выехав на дорогу, объехал Сиэтл по объездной дороге, карту автодорог Северной Америки я уже купил, и поехал прочь от города. Задерживаться я не собирался. И так отлично подготовился. Теперь стоит подумать, где достать оружие, настоящую армейскую винтовку со снайперским прицелом. Везти её из Кореи я посчитал делом опасным. Тут найду. А дороги действительно неплохи, мой пикап пёр только так. Как я отмечал, каждые пятьдесят миль стояли автозаправки. Часто встречаются придорожные мотели и закусочные, но не останавливался, только у заправок. К вечеру я заправил полный бак, пока не трогая канистры. Машинка мощная, рвёт с места, но и прожорливая. Пиндосы на топливе вообще не экономят. Два дня катил, дважды заночевав в живописных местах, пока не добрался до Сан-Франциско. Мне нужно оружие, а тут, надеюсь, формируются конвои в Корею, так что я был уверен, что всё необходимое добуду. В Сиэтле в порту ничего подобного не грузили, войны с Кореей пока же нет, тем более там я светиться не хотел, а тут меня никто не знает.

Обустроился я за городом и стал изучать Сан-Франциско и его небольшой порт. Только мощная железнодорожная станция позволила доставлять сюда грузы и в будущем формировать морские конвои. При изучении города моё внимание привлекла стоянка грузовых автоприцепов. Нашёл и небольшой одноосный и вполне длинный, два метра, где велосипед легко встанет, что мне понравилось. Да и другого груза я планирую порядочно. Прицеп имел дуги и тент, мог подключаться к приборам машины, стоп-сигналы и поворотники. Я уточнил у продавцов: да, они ставят фаркопы на машины и проводят электрику. Так что машину я разгрузил в лагере и перегнал её в сервис у торговой площадки. Там приступили к работе, прицеп я уже купил, как и фаркоп, за работу заплачу позже, когда принимать буду, а сам больше в порту тусовался. Вечером машину с прицепом – документы я на него оформил – отогнал в лагерь,

проверил, велосипед как в гараже находился, так что отличное приобретение, тут я и планировал перевозить добытое вооружение. Теперь по нему. В порту грузили на три судна авиацию в ящиках, устаревшие танки и бронетранспортёры, другое вооружение, вот сержанта из части, что это обеспечивали, я и выкрал и по-жёсткому допросил. Тот и описал, где что находится. В порту неразбериха, так что выкрасть всё что нужно вполне возможно. Да и торговали там оружием сами солдаты, но так, чтобы патруль не прихватил на горячем. Ха, а говорили, Америка не готовилась к войне в Корее, вон сколько устаревшего и списанного вооружения готовят южно-корейцам передать.

Этой же ночью я угнал армейский грузовик, явно тяжелогружённый. Тот остановился на перекрёстке, я видел, спереди был, что кроме водителя никого в кабине не было, так что подошёл, он пропускал колонну бронетранспортёров, незаметно для свидетелей спокойно встал на подножку со стороны пассажира и сел в кабину, и вбил нож в бок солдата. Водителя я сбросил на пол, перебрался на его место, дорога как раз освободилась, и повернул влево, а не направо, как хотел водитель. Выехав из города, благополучно избежав патрулей, отогнал в неприметное место на побережье, довольно далеко от моего лагеря, и стал осматривать трофеи. В кабине в держателе стандартный карабин «М-1», подсумка у солдата не было, нашёл за спинкой. Не на войне же. А вот в кузове меня ожидало разочарование: только тяжёлое вооружение. Крупнокалиберные пулемёты, патроны к ним, и «супербазука» в ящике. Правда, к ней всего двадцать выстрелов было. Я бы предпочёл безоткатное орудие, в прошлой реинкарнации мне такое попало трофеем, неплохая штука, пострелял, пока выстрелы не закончились, но и эта «базука» ничего.

Брать я решил один пулемёт «Браунинг М-2», два боекомплекта для него, эту «супербазуку», всё равно она тут одна, и все выстрелы для неё. А при разгрузке, когда до кабины добрался, обнаружил тут обычные ручные гранаты. Причём устаревшее вооружение, на наши Ф-1 похожи. Два ящика, для растяжек пойдут. Их тоже снял. Всё разгрузил на берегу, убрав в кусты, нарубил ветки и замаскировал. А грузовик, закрыв борт и задний тент, отогнал обратно в город и подъехал к пирсам. Несмотря на ночь, там погрузка не завершилась. Огромные горы снаряжения и ящиков громоздились. Вот у ящиков со снарядами я грузовик и поставил, воспользовался тем, что часовой с другой стороны ходил. Пробил ножом дно бензобака, топливо ручьём потекло, и стал спешно уходить. А в кабине разгоралось пламя. На месте водителя как будто спал водитель. Паника поднялась сразу, в темноте освещённую огнём кабину рассмотрели быстро, но сделать ничего не успели, полыхнуло. А я уже убежал со всех ног. Вот-вот рассветёт, мне до своего лагеря добежать нужно, а это километров семь. Ладно, велосипед в городе, укрыт в одном месте. Заберу его, и к себе. А вооружение потом приберу, когда всё успокоится. Американцы такие наглые, потому что крупных войн на их землях не проходило, я не говорю про войну за независимость или свободу чернокожих, это их внутренние дела, а вот настоящих битв не было. Оттого они такие наглые. Надо бы исправить это дело. Ударить по верхушке.

Надо сказать, происшествие в порту вызвало огромные слухи. В газетах чего только не писали, столько разных предположений... Однако два основных имелись. Пресса придерживается версии теракта, а вот армейские же следователи... Когда пожары в порту и городе стихли и снаряды перестали разлетаться – между прочим, сгорело множество военного снаряжения, танков, самолётов, один транспорт, что стоял под загрузкой, погибло больше сотни человек в порту и вдвое меньше в городе. От разрывов снарядов пострадали. Так вот, армейские следователи считали, что это несчастный случай, водитель закурил и уснул, папироса упала и начала тлеть. От грузовика почти ничего не осталось, но очевидцы видели спавшего на руле водителя при всполохах огня в кабине. Правительству явно не хотелось раздувать шумиху, раз некурящего солдата, а в карманах у него я не обнаружил сигарет, объявили курящим.

В общем, официальная версия – несчастный случай при нарушении техники безопасности одним из военнослужащих. Сразу были написаны новые дополнительные инструкции, и вроде как дело было закрыто, но я заметил, что городе работают разные команды, видимо ФБР, копов стало больше. Сам я три дня в пригороде прожил, обо мне знали, приезжали копы, документы проверяли, вещи осматривали, ордер от судьи, разрешающий это, предъявили, так что я спокойно дал им порыться в вещах, ничего не нашли интересного и укатили. И вот прошло три дня, я собрался ранним утром и направился к схрону. Ящики я не брал, вооружение в брезент замотано было, именно так и погрузил в прицеп. Туда оружие в брезенте, а ящики с гранатами, выстрелами к «базуке» и с патронами для «Браунинга» – в кузов «мордатого». Потом сверху свои вещи нагрузил в кузов и прицеп. Велосипед поставил последним, тот будет изрядно мешать при досмотре. А карабин водителя грузовика убрал за спинку пикапа в кабине, патроны и подсумки туда же, ну и сумку с пятью гарантами, которые я достал из ящика и снарядил. Наконец всё закрыл, ящики разобрал, вырыл лопаткой канаву и зарыл их в песок, большую яму так копать не пришлось, вполне хватило присыпать. Дальше покинул берега и, вернувшись на дорогу, покатыл в глубь континента. Дорога спокойная, а вот музыки не хватало, но радиоприёмник я поставить не успел, хотя это возможно, в США почти сотня моделей разных радиоприёмников в продаже были, а то я меломан, с удовольствием бы послушал, даже местную музыку. Ничего, в пути в каком-либо сервисе поставлю, пикап этим нужным прибором оснащён не был.

Меня обогнал в пути автобус, полный пассажиров, но это местные перевозки, если далеко, то американцы пользовались железной дорогой. Сейчас её уже не видел, шоссе в сторону ушло, но двигались мы в одну сторону. Я особо не гнал, да и сложно это с прицепом, ехал километров семьдесят в час. Так двигаясь, заметил перекрёсток и как на дорогу выходит дама со второстепенной дороги, с сумкой и в белой широкополой шляпе, там чуть дальше остановка была, видимо на автобус не успела, поэтому, увидев меня, подняла руку, останавливая. Подумал, – фигурка у женщины отличная, что показывает облегающая блузка и юбка-колокольчиком. Поначалу мне девушкой показалась, фигурка подтянутая, но когда ближе подъехал, понял, что ей чуть за тридцать, хотя для меня всё равно девчонкой оставалась. Она заглянула в окно и спросила:

– Вы куда едете? Мне в Денвер нужно.

Как посмотрела, мне не понравилось. Вообще американцы ещё те расисты, у них все, кто не американец и не европеец, люди второго или даже третьего сорта, вроде негров или азиатов. А судя по взгляду дамочки, я где-то в районе четвёртого плаваю. Работать таким разрешают, но общаться – фу-у. То ли дело мне Аргентина нравилась, где расизма нет совсем, она стала моей любимой страной, поэтому я планировал, закончив здесь, перебраться в эту страну и спокойно там жить. Яхту приобрету, я постепенно становился человеком, который любил и желал жить хорошо, иметь большой дом, автомобиль и яхту, счёт в банке, чтобы не зависеть от финансовых обстоятельств и путешествовать, желательно с женой. Поэтому взгляд, коим она наградила, мне не понравился. Я решил действовать, тем более она колебалась, не хотела ехать в кабине с человеком второго-третьего-четвёртого сорта, проще другую машину остановить с правильным американцем.

– Денвер проезжаю, – подтвердил я. – Готов подвезти, если плата будет натурой.

– Это как? – не поняла та.

– Вы со мной будете расплачиваться в постели.

– Да как ты смеешь?! – возмутилась та, от гнева глаза её заматали молнии.

– Готов весь путь оплачивать наш номер и ваше питание в кафе.

Надо сказать, американцы не только трудолюбивые, но и практичные. Доехать бесплатно, пусть и с азиатом, хотя придётся ноги раздвигать? Задумалась и, подумав, сказала:

– И двадцать долларов каждый день.

Та не поняла, что она сама себя этим оскорбила, выставляя по сути проституткой. Хотя ею явно не была, больше похоже на домохозяйку.

– Хорошо.

Та представилась Люси, я принял багаж, убрав в прицеп, кузов занят, и мы поехали дальше. Моя рука гладила её коленку, что ту нервировало, видимо сомневалась, что согласилась. А когда мы свернули с дороги, та с паникой поинтересовалась:

– Куда мы едем?

– Я хочу получить оплату, – был мой ответ, и, достав банкноту в двадцать долларов, протянул той.

У Люси сработал хватательный рефлекс, она убрала деньги в маленькую сумочку и только потом сообразила, свела ноги и сидела так, пока мы не остановились под деревом, в тени. Развернул её к себе – ох и напряжена была! – впился в ярко накрашенные губы и параллельно начал ласкать одной рукой. Дальше под её охи и ахи я поимел Люси.

– Помыться хочешь? – спросил я, когда слез с пассажирки.

– А есть? – удивилась та.

– У меня всё есть.

Открыв чехол кузова, я достал ведро и канистру с водой, налил и расстелил резиновый коврик, куда положил летний душ. Та, ничуть не стесняясь, что её видно со всех сторон, включая меня, встала на коврик, и я начал качать, а та мыться и, извиняйте за подробность, подмываться. В этом я ей активно помогал, заодно лапая. Та была не против, всё походило на игру, ничуть меня не стесняясь при том, да и меня окатила, я тоже стоял рядом обнажённый, и та меня лапать начала под видом мытья. Наигравшись – вода в ведре закончилась, – мы вытерлись полотенцем. После чего стали одеваться. Я собрал вещи, мы сели в машину и, вернувшись на дорогу, покатали дальше. Мы и пяти миль не проехали, как наткнулись на армейский пункт досмотра, там же и полицейские были. Нас даже не остановили, видимо подозрительными мы не казались, а вот пару машин осматривали. Я понимал, что причиной, почему мой пикап особо не привлёк внимания, была пассажирка.

Мы пообедали в закусочной, я выбрал то, что вполне питательно, суп мясной и яичницу на второе. Она заказала немало, я же плачу. Вечером за полчаса до наступления темноты мы свернули к придорожному мотелю. Рядом стояла заправка. Я сначала заправился, полный бак и одну канистру, потом поехал к парковке мотеля. Дальше сам сходил к портю и оплатил ночь в номере с большой кроватью, кондиционером и холодильником. Душ обязательно. Таких номеров было всего три, они дорогие, свободны, так что, получив ключ, провёл попутчицу в номер и, пока та принимала душ, осмотрел машину, запер и, раздевшись, скользнул к ней.

Честно сказать, я бы предпочёл замедлить путь, мне нравилось такое путешествие, но Люси торопилась, ей нужно в Денвер. Вообще, она замужем, но её муж – офицер, и служит тот... в Корее. Советником. В ближайшее время возвращения его можно не ждать, так что она была вполне ненасытная в сексе и на следы на теле не обращала внимания. Сойдёт всё. А в Денвер ехала забрать дочку, у неё с мужем был ребёнок, гостила у свекрови, матери мужа. Лето заканчивается, скоро в школу, дочка как раз в первый класс идёт, каникулы к концу подходят. Вот так и доехали мы до Денвера на четвёртый день. Я подвёз Люси к нужной улице, дом, где проживала свекровь, находился за поворотом перекрёстка. Люси меня жадно поцеловала и, забрав вещи, ушла, а я покатыл к выезду из города. Кстати, деньги Люси каждый день брала не смущаясь, стоила мне примерно сто долларов, но и отработывала их вполне трудолюбиво и охотно. Думаю, теперь к азиатам та будет относиться совсем по-другому. Надеюсь, на негров смотреть не будет, иначе, я так понимаю, разочаруется и в европейцах, и в азиатах. Негры в сексе реально неутомимые. Это я по слухам знал.

Покинув город, я въехал на заправку, последние мили мы гнали и было не до заправок, три канистры пусты, хотя полбака ещё было. Я слил из четвертой бензин в бак и залил в четыре

свежего горючего. А на водонапорной колонке залил две канистры для технической воды свежей водой. В дороге быстро расходуются, по Люси знаю. И вот Денвер остался за спиной, спидометр накручивает новые мили, а я поглядываю на нередких автостопщиков, что голосуют на обочине. Путешествовать с Люси мне понравилось, да и вообще женщина под боком – это, оказывается, здорово. Именно поэтому моё внимание и привлекали автостопщики, но всё не то. Проехав ещё две мили, я заметил двух девушек, около двадцати на вид, в юбочках, белых рубашечках, ножки ровненькие и загорелые, белокурые, светленькие, как будто сёстры. Голосуют. Где-то я их видел, но никак не вспомню. Прикинув, мысленно пожал плечами и стал притормаживать, сворачивая к ним, чувствуя, как прицеп поддаёт сзади. Почему бы и нет? Попытка не пытка, как говорил один литовец, избивая меня в тюрьме в первой жизни. Меня, похоже, узнали, стали переглядываться со значительными взглядами, а когда я остановился, чтобы они могли заглянуть ко мне через открытое окно со стороны пассажира, я их вспомнил. Мы с Люси все ночи проводили в номерах мотелей, да шумно, похоже, она специально как мартовская кошка орала. А утром во время завтрака в кафешках на неё многие из женщин с завистью смотрели, на меня задумчиво, мужчины презрительно на обоих. Пожилые недовольны, что им спать не давали. И вот вчера утром и этих девчат в кафе мотеля я видел. Скорее всего, на другой машине доехали. И они меня узнали.

– Привет, – улыбнулась одна, заглянув ко мне и демонстрируя через вырез рубахи грудки, что ничем не сдержаны. Восхитительный вид.

– Привет, – кивнул я, с интересом изучая, мой взгляд она заметила и довольно улыбнулась.

– Мы в Атланту едем. Подбросишь хотя бы часть дороги?

– Легко, но у меня есть своя такса. Натурой.

– Это как? – заинтересовались обе.

– Вы расплачиваетесь своими телами.

– Та женщина, что с тобой раньше была, она?..

– Эта пассажирка уже сошла, и очень сожалела, что дорога так коротка была.

– Мы согласны! – хором сообщили они, даже не дав сказать фразу об оплате.

– Я еду мимо Атланты, так что довезу сразу до города.

– Это просто отлично, – заулыбались девчата. – У нас уроки начинаются через шесть дней. Успеем? Мы в колледже учимся.

– Успеем, – сказал я, съедая их взглядом.

Я вышел из машины и убрал их вещи, чемоданчик и две дорожные сумки в прицеп, при себе они небольшие сумочки оставили. Сели, в кабине для нас троих худосочных места хватало, так что покатали дальше, а моя рука двигалась по бедру сидевшей вплотную одной из пассажирок. Чему та не возражала. Да она без белья?! Пришлось сворачивать с дороги и брать плату натурой. С обеих. По одному разу, но меня на двоих хватило, они были в восторге от дорожного душа, сервис, и мы покатали дальше.

Конечно, в Атланту мне не нужно, мой путь к Вашингтону лежал, но не подвезти таких девчат безотказных – это грех. Так что мы въехали в Атланту и подкатали к общежитию колледжа, как раз за час до наступления уроков. Девчонки быстро похватили вещи и, помахав руками, убежали. Так что, покинув улицу с этим учебным заведением, я покатыл в сторону ближайшего сервиса. Нужно машину посмотреть, та немало накрутила по дорогам разных штатов, да автоприёмник поставить. Снял номер, куда перенёс все вещи из кузова, прицеп оставил на парковке и доехал до сервиса. Там уже были клиенты, пришлось подождать, этот сервис как раз по фермерским машинам и работал, пикапам в том числе. Наконец и мою машину на смотровую яму загнали. Два часа, но нашли, чего так гремит снизу, разболталось крепление глушителя. И это искали два часа? Пока автоэлектрик работал, ставил радиоприёмник и дина-

мик на приборную панель, там ещё отверстия прорезать нужно, заодно другой мастер воду в радиатор подлил, масло проверил, тоже чуть долил, остальное посмотрел, колёса чуть подкачал. В общем, за работу двадцатку долларов взяли, плюс сам приёмник сто двадцать долларов со всеми аксессуарами. Дорогой тут сервис. Антенна теперь стояла, радио проверено, уверенно ловит. К вечеру вернув машину на парковку мотеля, я переночевал в номере и, загрузившись, утром покати к Вашингтону, слушая музыку. И на дороге стояла девушка, голосуя. Сумочка на плече, саквояж под ногами, на голове светлая широкополая шляпа. Видно, что не бедствует. Всё хорошо, кроме того, что она была негритянкой. Вьющиеся волосы, миловидное смуглое лицо, видимо в предках европейцы затесались, та не была той копией горилл с большими носами, некрасивыми фигурами, а вполне ничего. Взгляд притягивала.

Решив рискнуть, я притормозил рядом и поинтересовался, куда едет. Не знаю, повезло ли, но ехала та в Вашингтон. Кстати, обе девчонки, которых я недавно высадил, были местными, рядом с Атлантой их семьи проживали, а в Сан-Франциско на каникулы отдыхать ездили. Автостопом туда и обратно.

– Беру натурой, – сказал я. – Оплата телом.

Та разозлилась, крылья носа вздулись, обругала меня, сообщив, что она не такая. В общем, отказалась та со мной ехать, а жаль, я бы не прочь попробовать негритянку. Стыдно признаться, но таких женщин у меня ни разу не было, а тут уж больно экземпляр попался восхитительный, что невольное возбуждение вызывал. Фигурка действительно само совершенство.

– Ладно, садись, – пошутил я.

Та на меня задумчиво покосилась, посмотрела на пустое шоссе и всё же села. Саквояж под ноги поставила, ну и мы покатили. А вообще в США с автостопщиков деньги не принято брать, оттого это движение имело большую массовость. Моё требование оплаты тут, скажем так, шло поперёк традиций, но в первый раз попутчица Люси зарабатывала телом, а девчата просто секса хотели, так что я и получил согласие, а эта, видимо, правильная. Пока мы катили по шоссе, под негромкое бормотание диктора по радио, я продолжал раздумывать. Как ни странно, простые американцы больше ненависти у меня не вызывали. Вот что секс животворящий делает. А ведь я шесть лет тут прожил, изучая их культуру и менталитет. Но тогда я только шлюхами пользовался, платными женщинами, что особо восторгов у меня не вызывало, а тут с простыми американками разных слоёв общества, и вполне ничего. Причём я даже принял решение, что, уничтожая верхушку правительства и банкиров, что всё оплачивают, постараюсь всё делать так, чтобы простые американцы не пострадали. Они лишь орудие в руках тех, кто сидит наверху. Пока принял решение, но последую ли ему, увидим позже.

Ночью, где-то в полночь, лёжа в кровати номера моей попутчицы, та только что уснула, повернувшись ко мне спиной, простыня сползла с её бедра, открывая восхитительный вид, реклама снаружи подсвечивала через окно, я лежал и размышлял. Нет, пришлось упорство проявить, но всё же в первый же день нашего знакомства сломил сопротивление. Когда мы заселились в номера придорожного мотеля, я купил бутылочку шампанского, фруктов и постучался в номер. Она открывать не стала, спросила, кто беспокоит, вот и ответил ей, что это я, с шампанским и фруктами. Минут десять пришлось ждать, но всё же открыла и впустила.

Утром она изображала недотрогу, но завалить её на кровать и взять своё я смог. После этого, одевшись и сдав номера, позавтракали и покатили дальше. Следующим днем мы въехали в Вашингтон, и она сошла на нужной улице, перед этим, заметно поколебавшись, подарила мне долгий прощальный поцелуй. Это первые такие её проявления чувств на людях. Да и в номере очень старательно себя сдерживала от криков, хотя иногда прорывались. Глядя, как её попка крутит восьмёрки, пока Мари уходила, я вздохнул и покати дальше. Нужно найти место для жилья, можно будет вести разведку. Я переехал на окраину города, а вообще

Вашингтон охранялся довольно неплохо, я часто видел полицейских на улицах и их патрульные машины. Номера моего пикапа, конечно, привлекали внимание, но не останавливали. А на окраине рядом со стоянкой для автодомов были кемпинги. Дома, построенные из щитов, можно сказать, летние домики. Как жить в них зимой, я не представлял, обогрева в них не было. А ведь зима в этих широтах со снегом, холодная.

Найдя администратора, что сдавал эти дома, осмотрел несколько. Те, что двух- или трёх-квартирные, я даже не рассматривал, мне понравился одноэтажный коттедж, три комнаты – это спальня, гостиная с залом совмещённые и кухня со столовой. Отдельное помещение санузла. Ванной не было, только душевая. У дома навес, где машину и прицеп можно поставить, оба по размеру войдут. Дальше он меня оформил, оплатил я за месяц, плюс коммунальные услуги. Отцепив прицеп, поставил его под навесом, ключи от коттеджа на руках были, и мы с этим администратором, или менеджером, покатали к площадке, где стояли склады. Их можно как гаражи использовать. Я решил такой склад арендовать, размеры разные были, подобрав подходящий, довольно кивнул. Прицеп войдёт. В общем, склад тоже арендовал, он номерной, получив за это ключи от менеджера. Ещё имелась услуга по найму горничной, я оформил её и за месяц вперёд оплатил, теперь дважды в неделю в десять часов дня та будет приходить и убираться в коттедже. Ключ у горничной будет, посещать станет, когда меня не будет.

Дальше менеджер ушёл довольный, клиент ещё один появился, пусть пока на месяц, а я съездил к коттеджу и перегнал прицеп, поставив его в сарай, и часть вещей из кузова там разгрузил, заперев помещение. А так я ему сказал, что ищу работу, возможно жить тут буду. Только вряд ли дальше коттедж снимать, дорогое удовольствие. Насчёт работы я серьёзно собирался её поискать. Причём устроиться хотел в Капитолий – это здание Конгресса США. Хотя уборщиком, но мне нужно там устроиться. Пока убивать президента я не буду, а вот начнётся война в Корее, тогда конечно, ещё и листовки раскидаю, чтобы было понятно, за что. Так убить – он жертвой станет, а за дело – уже есть причина. А Капитолий мне нужен для минирования. Ведь после убийства президента тут же Конгресс будет собран, вот и прихлопну их в одном месте. Что ж, начинаем. Ах да, деньги нужны, и много. Стоит продумать план ограбления одного из банков, что финансируют военную машину США. Или одного из банкиров, что держит кубышку дома. У меня даже есть один такой на примете, откупиться хотел, когда я его в прошлую реинкарнацию ликвидировал. А накопил тот действительно много. Два грузовика потребовалось, чтобы всё вывезти, и моим внукам хватило тех запасов. Почему бы сейчас не повторить? Нужно только подготовиться, машину побольше достать, длинномерный полуприцеп, думаю, самое то тут будет, чтобы за раз всё вывезти. Ну и насчёт работы в Капитолии подумать, прикинуть, как проникнуть. Проверка, думаю, там жесточайшая.

На следующий день я отправился в Капитолий, найдя работников, что за кадры отвечают.

– Значит, хотите у нас работать? – сухим строгим голосом сказала женщина в строгом костюме, что сидела за столом в своём кабинете. Я стоял перед столом. – Почему вы хотите устроиться именно тут?

– Карьеру буду делать.

– Уборщиком? – усмехнулась та.

– Я буду говорить, что работал в Конгрессе в Капитолии, не уточняя кем. Это придаст мне вес, а подтверждение о работе только упрочит мои позиции.

– Хм, дальновидно, – согласилась она и, посмотрев на мои водительские права, добавила: – Что ж, Ромео Ли, я готова вас принять пока стажёром сроком на месяц.

Устроиться уборщиком действительно удалось без особых проблем. Проверку лёгкую прошёл, тут вообще, по сравнению с тем, что в будущем будет, простейшие схемы приёма работников. А ведь это один из символов Америки. Меня закрепили за восточным крылом, остальное в здании не наша тема. Кроме меня тут работало одиннадцать сотрудников, и мы

работали каждый день. Кроме воскресенья, это выходной. В этот день по очереди кто-то дежурил в здании. Старшим у нас был старший смены Калкидис, пожилой поляк, он и раздавал задачи по утрам, а позже принимал их, и если есть время, то давал новые. Бывало, из-за массового наплыва посетителей, а сюда и экскурсии водят, приходилось до темноты работать. За это давали надбавки. Я вписался в группу вполне неплохо, показывая трудолюбие и отличное знание подобной работы. Один поживёшь, и не такому научишься. В дежурства меня пока не ставили, но дважды помогал в воскресенье кому-то из уборщиков.

Месяц пролетел как один день, и наконец меня перевели на постоянную работу, сняв стажёрство. За месяц я получил зарплату в размере ста десяти долларов, и это была вполне солидная зарплата. Теперь моя зарплата сто шестьдесят долларов, не считая надбавки за внеурочные работы и премии. Чуть больше двухсот будет выходить. В коттедже я прижился, но всё же к концу аренды присмотрел себе более подходящее жильё. Квартиру брать не стал, машину хранить негде, но небольшой коттедж в районе частных домов, отлично подготовленный к зимнему и летнему времени, меня устроил. Аренда – сто десять долларов. Четыре комнаты, гараж есть, машина войдёт и прицеп тоже. Так что сдал коттедж и склад и перевёз вещи в новый арендованный дом. Я там сразу за полгода аренды уплатил, приобрёл припасов, часть бытовых приборов, и вот стал жить и работать. В выходные гулял, на велосипеде катался, приглядывал за Белым домом. Дни так и шли друг за другом, я освоился в Вашингтоне и решил начать готовиться к экспроприации несправедно нажитого у одного банкира. Он один жил, жена умерла, дети разъехались, своими семьями живут. Точнее, не один, с любовником, но это не важно. Мне они мешали в прошлый раз, значит, ликвидирую всех и в этот.

Так наступил четвёртый месяц моей работы в Капитолии, уже Рождество наступило, война в Корее началась как обычно, но я пока готовился. Например, арендовал фургон и, уехав в субботу, у нас сокращённый день, вернулся в ночь с воскресенья на понедельник. Ездил в Вирджинию, в том штате были склады строительной компании, вот я и позаимствовал там три тонны взрывчатки, пусть строительной, но от этого менее мощной она не стала. Сторож погиб, склады горели и взрывались. Я всегда предпочитал огнём свои махинации скрывать. А машину разгрузил на складе, арендовал его. Причём, как ни торопился с разгрузкой и возвращением фургона, всё равно опоздал на работу. Меня за это премии лишили. Взрывчатка была хороша, шашками, к ней множество проводов и электродетонаторы, но был и обычный бикфордов шнур. По Трумэну, теперешнему президенту, я тоже информации собрал достаточно. Однако пока подготовка шла неспешно, слишком много всё мне одному сделать нужно.

Так вот, через четыре месяца с момента работы в Капитолии я в субботу, сразу после окончания рабочего дня, на машине поехал домой, а не на велосипеде, как обычно. По пути решил заскочить в кафе, быстро поесть, времени мало, мне ещё грузовик-дальномер угнать нужно. В таких делах только угон, а не аренда. А в кафе, где я стал искать свободное место, кафе полное было, обнаружил одиноко сидевшую девушку. Ту самую негритянку, или правильнее называть мулатку? Она сидела в одиночестве, по виду грустила, так что, подойдя, привлёк к себе внимание, поинтересовавшись:

– Можно?

Та, подняв глаза, неожиданно улыбнулась и молча кивнула головой.

– Привет, – садясь, поздоровался я и взмахом руки подозвал официантку. – Давно не виделись. Знаешь, я скучал.

– Привет. Я тоже, – тихим голосом сказала та.

Тут подошла официантка, которая, приняв заказ, отошла, а мы продолжили общение. Мари училась на втором курсе юридического колледжа. В общежитии не жила, мест нет, снимала комнату с подружкой, вдвоём не так и дорого. А подружка замуж выходит, переезжает к парню. А та оплату не потянет, искала, с кем бы договориться о совместном проживании, но пока не нашла.

– Не проблема, переезжай ко мне, – пожал я плечами. – Домик у меня замечательный. Правда, спальня одна, но зато кровать шикарная. Не скрипит, как прошлые.

Та потемнела лицом. Я так понял, она покраснела? Однако от предложения всё же отказалась, а вот адрес взяла, где я живу. Я сразу предупредил, что на эти выходные меня не будет, уезжаю в другой город, подработорился на подработку. В общем, пока я ел, мы пообщались, она не особо спешила. Плюнув, я забрал её, расплатившись за обед за себя и неё, и мы поехали ко мне, где провели восхитительные выходные, разойдясь только утром в понедельник, она на учёбу, а я на работу. Три недели я не мог выкроить время, пока Мари не пригласили на уик-энд к однокурснице. Кстати, Мари в общежитии теперь жила, ей дали место отчисленной студентки. В субботу пораньше, наконец добравшись до дома, переоделся, оставил машину в гараже и, оседлав велосипед, покатыл за город, там была крупная стоянка для больших грузовиков, включая дальномеры, а также мотель и кафе с баром. Прометил несколько порожних машин, по ним видно это, дождался, когда к одной подойдёт водитель, вырубил того, так чтобы никто не видел. Потом велосипед в грузовик, водителя в кабину, он мёртв, дело такое, свидетелей я оставлять не хочу.

Устроившись в кабине, я покинул стоянку и, разгоняясь, поехал через Западную Виргинию в Кентукки, там находился роскошный особняк нужного мне банкира. Сработал чисто, подъехал, оставив машину за территорией, пробежался, а приехал я под утро до рассвета в воскресенье, всю ночь гнал, и зачистил дом. Нож имелся. От охраны ещё и пистолеты добыл и дробовик. Охранников на территории четверо было, восемь голов прислуги и сам хозяин, которого я и застал в постели с любовником. Последнего пристрелил, а хозяина, прихватив, повёл в подвалы к хранилищу. Как я и думал, код был другой, не тот, что я помнил. Тот менял их раз в полгода. Пристрелив банкира, я убежал за грузовиком, подогнал к чёрному входу, тут прямой выход из подвала был, и начал на тележке поднимать в кузов ящики и слитки золотые. Картины были. Весь день работал, но машину загрузил. Потом поджёл дом и отправился в ближайший город, где вот уже два месяца как у меня был арендован крупный склад, между прочим под сигнализацией. Поставив там машину, я уже в темноте стал разгружать грузовик. Ничего, разгрузил, поставил склад на охрану, оплачено ещё на полгода, грузовик перегнал за город, бросив там на трассе, и поджёл, а сам на велосипеде покатыл к частному аэродрому. Там меня уже ждал двухмоторный самолёт, заранее заказал, назвав ложные данные. Поднял велосипед в салон и почти сразу уснул на диване, пока самолёт поднимался в воздух, благо снегопад наконец закончился и была лётная погода. Сели на частном аэродроме Вашингтона, забрав велосипед, сразу оплатил пилоту работу и покатыл домой. Я успел принять душ, собрался и отправился на работу. Успел за выходные, сам не ожидал, но не хотел я брать ещё один день за свой счёт. Успел.

Неделю я выжидал и на следующие выходные, в субботу, на пикапе с прицепом скатался к нужному городку. Он назывался Манчестер. Мари была мной отправлена в тур по магазинам, денег дал, так что не мешала, с подружками веселилась. Проверил склад, тут всё в норме, отключил сигнализацию и, загнав пикап на склад, заперся изнутри, включил свет и начал перебирать трофеи. С собой я ничего не брал после акции, а тут несколько мешков денег, слитки золотые. Я себе отложил сто тысяч долларов и стал работать по произведениям искусства, загрузил их в прицеп и кузов пикапа, остальное сложил по порядку, чтобы хорошо смотрелось, и в обед воскресенья покатыл обратно, в полночь добравшись до Вашингтона, где поставил машину и пикап на место в гараже. Кроме ценностей я привёз и оружие. У банкира была отличная коллекция охотничьего оружия, но среди коллекции встречались и армейские образцы. Например, винтовки «Спрингфилд» и Мосина с оптическими прицелами. Обе со мной и ехали, к каждой специальные снайперские патроны имелись, по пятьдесят штук. Вряд ли мне столько понадобится, но я предпочитал иметь запас.

Следующий месяц я носил в Капитолий взрывчатку. Нас не досматривали, только при выходе, не выношу ли что, так что то, что я прихожу каждой раз с рюкзачком, а выхожу с пустой сумкой, в которой только коробка с бутербродами, никого не интересовало. Однако тонну взрывчатки я так переташил. Делал это трижды в день, приходил утром с шестью килограммовыми шашками, убирал в тайник в подвале, там имелись хозяйственные помещения, коими пользовались мы, уборщики. И стоял небольшой трёхкубовый контейнер, я получил к нему ключ, если проще, свой замок повесил и наполнял этот контейнер взрывчаткой. Так вот, приносил шесть кило утром, машина стояла на парковке, где лежала взрывчатка. Потом выходил обедать и возвращался, неся ещё шесть кило. Так что за два месяца и наносил такое количество взрывчатки. Может показаться, что хватит, но я считал, что мало. А тут был заказ доставки моющих средств, и меня поставили ответственным, таким образом я ещё тонну привёз взрывчатки разом. Контейнер оказался практически полон. Осталась финишная прямая, комната, где стоял контейнер, находилась как раз под залом Конгресса, где и идут дебаты.

Уже наступил март пятидесятого года, я расстался с Мари, с криками и обидами, я играл, а вот та обиделась по-настоящему. Надеюсь, когда меня вычислят, у той проблем не будет. А меня наверняка вычислят. Тут, как ни крути, единственный кореец, замаскированный под китайца, что работает в Капитолии. Я арендовал два морских контейнера, в одном отправил во Францию картины и произведения искусства, адрес доставки Лувр, подарил им всё, дарственная присутствовала, от своего имени всё сделал. Вчера контейнер отплыл на судне. Во второй контейнер загрузил золото и другие трофеи от банкира, опустошив склад в Манчестере, и уже неделя, как он ушёл в Аргентину. В Буэнос-Айресе будет ожидать на охраняемой площадке порта, пока я не прибуду. Получение по квитанции, что у меня находилась. Это ещё не всё, я оплатил услуги юриста, если что, тот меня защищать будет, даже посмертно, ну и нотариуса. Всё моё имущество, если что, будет продано с молотка и отдано в детский приют в Вашингтоне. А другой юрист передаст Мари послание, это в случае моей смерти, в коробке письмо с моими извинениями, мол, я должен был так поступить, сто тысяч наличностью и заверенная копия квитанции к морскому контейнеру в Аргентине, с объяснениями. Мари девочка умная, надеюсь, поступит правильно. Юрист и нотариус – филиалы германских юридических и адвокатских контор, я уверен, что они не сдадут меня американцам. Да и в договорах это прописано. Если выживу, конечно, отменю всё, но я предпочёл подстраховаться.

И вот этот день наступил. Восьмого марта, в день, когда СССР объявил о появлении у него атомной бомбы, я прицелился в голову Трумэна и выстрелил. После чего почти сразу повторно, вклепив вторую пулю в голову вице-президента страны Олбена Баркли. Оба президента, пусть один и носил приставку вице, скатились со ступенек Белого дома, охрана бросилась к ним, но было поздно, защищать оказалось некого. Оставив винтовку на месте, я был в перчатках, тут же бросил листовку и побежал к угнанной машине, стрелял я с расстояния в восемьсот метров и не промахнулся. Маска на лице и мешковатая одежда скрывали фигуру. Подбежав к машине, выдернул из салона «супербазуку» и выстрелил фугасной гранатой по вылетевшему из-за угла на большой скорости фургону, где находилась силовая группа из службы охраны президента. Полыхнуло здорово. Если бы не «базука», уйти сложно было бы. А теперь о силовой группе можно забыть. Отшвырнув установку, я прыгнул в машину и рванул с места. Старый «Форд» вполне тянул. Бросив машину в тупичке за магазином у мусорных баков, перебрался в другую машину, тоже угнанную, и уехал в другой район города. Тут в кустах переоделся в свою одежду и, сев на велосипед, покатыл на работу. Катил спокойно, хотя копы уже перекрывали улицы. Время десять часов утра, начальство о моём отсутствии на работе не знало, я утром пришёл и отметился как всегда, меня отправили в подвал, убрать плесень со стен, вызвали рабочих, завтра будут там ремонт проводить, косметический. Всё же библиотека рядом, мало ли что. Как я покинул здание и вернулся, видели только охранники, а им всё равно, сказал, за моющими пошёл, и отпустили, моющие при мне были, главное – не

вынес ничего. Да уж, паника по городу и стране стояла изрядная, об убийстве президента и его зама уже сообщили по радио, мы в зале собрались, слушали, но я работал дальше и успел закончить с плесенью, о чём доложил начальству, после чего меня отправили на другую работу. На экскурсии школьнику вырвало, так что я направился чистить ковровое покрытие. И после обеда стал спешно собираться Конгресс, сенаторы, не все успели, но в шесть часов вечера началось срочное заседание. Убедившись, что Капитолий от экскурсий закрыли и все посторонние покинули здание, а опоздавшие сенаторы прошли в зал, они прилетели со своих штатов на самолётах, я спустился вниз, открыл контейнер и запустил часовой механизм; если он не сработает, то и бикфордов шнур поджёт. Запер контейнер, там отверстия, чтобы воздух был, прорезаны, ну и направился к выходу. Только нас не отпускали, мало ли пригодимся, пришлось ждать. А заряд рванёт через полчаса после запуска.

Я уж собрался просто сбежать, как здание содрогнулось, стены зашатались и начали рушиться. Последнее, что помню, в жуткой пыли на меня рухнул потолок, и вот снова качусь под откос под рёв американского армейского грузовика.

Ночью у костра меня покормили и напоили, голова полотенцем перевязана, я раздумывал. Бомба взорвалась на двенадцать минут раньше срока, я по часам отслеживал. Что-то случилось, раз та раньше инициировалась. Ладно, не получилось обрести покой, от постоянной истории бессмертия я устал, но надеюсь, Мэри воспользуется всем, что я для неё оставил, и будет жить спокойно, а не полезет в политику, ведь это было её мечтой. Оставить след в истории. Хм, а она его оставит, любовница того, кто президента убил и взорвал Капитолий. Листовки с пояснениями я везде раскидывал. Да, такое ей точно не забудут, надеюсь, богатства, что ей отойдут, её успокоят. Ну и что тюрьмы избежит, виноватого же нужно найти, а тут такая удача, любовница корейского террориста. Надеюсь, германские юристы справятся и вытащат её из лап американского правосудия. Всё же скандалили мы при свидетелях, расставшись окончательно.

Утром, простившись с бедняками-крестьянами, я отправился дальше в одиночку. Убил обоих американцев, грузовик продал главе криминальной мафии Пусана и дальше работал в одиночку. Угнал самолёт с золотом, спрятав его на побережье Китая. Потом и самолёт с денежным станком. Его китайская мафия ранее неплохо использовала, отдал им. Дальше привычное, купил подлодку, два года подготовки, ремонта, и мы уничтожили оба американских авианосца, крейсер утопили, обе подлодки и один эсминец. Смогли уйти, потрепали нас, но ушли к Японии, где команду я привычно распустил, субмарину на дно, то, что от неё осталось – текла из всех щелей, а из двигателей только один работал, постоянные замыкания проводки. В общем, в хлам. Ну и повторил, отправился в Китай, купил документы, корочки лётчика, и добровольцем в Корею. Отвоевал от души, на моём счету даже два утопленных военных транспорта появилось. Один уже выходил из порта, разгрузился, а вот второй на подходе был. Утопил артиллерию, что была на его борту, тоже неплохо.

Три года пролетели очень быстро, но всё это привычно, переживал не один раз. Война закончилась, добровольцы отправились по своим странам, а я угнал трофейный самолёт и полетел до Владивостока. До Хабаровска дальности не хватит, до Владика бы добраться. Машину я утопил в море, пешком за неделю добрался до города, чудом миновав пограничников, в сумке пара золотых слитков, чтобы наличность добыть. Там в городе смог продать стоматологу кусочек золота, получив пятнадцать тысяч рублей, купил билет на поезд и покатил сначала до Казани, а потом миновал Москву, и в Ленинград. Дело в том, что там проживал и нёс службу в истребительном авиаполку Фёдор Палкин. Старший лейтенант уже. Капитана через год получит.

Наблюдая, как поезд, пытая и выпуская пары дыма, подходит к перрону, я размышлял. Почему мне за все реинкарнации ни разу не пришло в голову поговорить с самим собой, я до сих пор не знаю. Ну вот не подумал, и всё, как будто какой-то блок стоял. А сейчас наконец

стукнуло, дошло. Стоит рискнуть. Возможно, на этом реинкарнации наконец закончатся и я обрету покой. Нет, умирать я, как ни странно, не хотел, а просто прожить свою спокойную жизнь желал. Ведь как ни крути, но и от реинкарнаций можно устать. Может быть, у меня откроется второе дыхание, обрету желание вновь и вновь использовать разные способы американцам отомстить, воевать против них, но пока оно не открылось. От всего устал, всё обрыдло. Пообщаюсь с собой из прошлого, всё ему расскажу о своей жизни, выпьем, мне уже можно, скоро девятнадцать исполнится, и, покинув Союз, отправлюсь в Аргентину. Давно хочу в кругосветное путешествие отправиться, вот и выполняю свою мечту. Куплю яхту моторную, сейчас везде заправиться можно, и отправлюсь. Может быть, девушку себе найду. Вон, к сожалению, найти я не смог, война, следы затерялись, может, и погибла. Ничего, найду ещё себе спутницу жизни.

Я один слиток через стоматологов уже распродал, скопив солидную сумму, неплохо оделся в пошитую в Союзе одежду, багаж местный приобрёл, то есть мало чем отличался от простых советских граждан. Ну, кроме того, что кореец. Я говорил, что казах, и люди верили. А сейчас, подхватив чемоданчик, повесил на плечо чехол с гитарой и, покинув купе, добравшись до тамбура – большая часть пассажиров уже вышла, я последний, – сойдя на перрон, отправился к выходу с вокзала Ленинграда. До военного городка, где проживал местный Фёдор... Я с трудом его позиционирую как себя, мы уже слишком разные люди, столько реинкарнаций изменили меня, я прожил очень долго, так что говорю правильно, именно местный Фёдор. Это не я. Так вот, до военного городка можно доехать автобусом или на такси, останавливаться в городе-герое Ленинграде я не стал, нашёл свободное такси, это была «Победа», и, назвав адрес, не обращая внимания на счётчик, поехал куда нужно. Водитель ушлый, взял несколько попутчиков, но меня этим не смутил, багаж в багажнике, я сижу на переднем сиденье, так что что там сзади, мне всё равно. Доехали быстро, уже через полчаса благодаря фактически пустым дорогам, где только и видно грузовики, спецмашины да автобусы, редко когда частное авто проедет, мы добрались до места. Городок входил в зону охраны аэродрома, поэтому на въезде был пропускной пункт. Я не стал проезжать на территорию, хотя кое-какой документ у меня был, справка из милиции Казани об утере паспорта. Украла якобы.

Покинув такси, расплатившись, забрал багаж и, придерживая висевшую на плече гитару, сказал дежурному сержанту на въезде:

– Я бы хотел пообщаться со старшим лейтенантом Палкиным.

– Как передать? – спросил сержант, подходя к кирпичной коробке КПП и снимая трубку с телефона. Он руку в окошко сунул, чтобы дотянуться до аппарата.

– Родственник приехал, – улыбаясь, сообщил я.

Того вызвали, он не участвовал в полётах, а я присел на скамеечку, с удовольствием шурясь на зелень вокруг. Этот военный городок только в прошлом году сдали, и его заселили военные. Пока ещё не все части могли подобным похвастаться, а тут именно так было.

– Вы ко мне? – услышал я странно знакомый голос.

Повернув голову, я посмотрел на стоявшего у шлагбаума КПП старшего лейтенанта, на кителе которого имелись орденские планки. Невысокий, светловолосый, коренастым его не назовёшь, но что-то такое было, основательное. Правильное лицо, серые глаза, фуражка сбита на затылок, улыбка в уголках губ. В общем, я смотрел на себя в молодости. А если учесть, что Фёдор в этом году женился, то почему тот в таком хорошем настроении, было понятно. Да ещё осваивает новую реактивную технику. Уже летал и был в восторге. Я так задумался, что пропустил его появление. Встав с лавки, я сказал:

– Здравствуй. Я из Кореи недавно прибыл, воевал там. На реактивных «мигах». Изображал китайского добровольца. Сорок семь лично сбитых. Меня попросили встретиться с тобой твои знакомые. Например, бывший ведомый Алексей Куницын.

– Лёшка? – оживился тот. – Так он там был? Как он?

– В порядке. Сейчас на Севере новую машину осваивает. Тут вещи можно оставить? Предлагаю прогуляться, поговорить.

– Я прослежу, – сказал сержант с поста, что с интересом слушал нас.

Кстати, обычно тут сержант и пара бойцов, но сержант был один и кроме штык-ножа на ремне оружия не имел. Может, куда отправили рядовых? Не знаю, я этот момент жизни не помню. В общем, вещи занесли на КПП, в помещение, сержант устроился на лавочке, он выпустил из городка автобус, полный женщин и детей, а мы по обочине дороги, асфальтированной, новый асфальт, стали прогуливаться. Молчали оба. Когда отошли, я сказал:

– С чего бы начать? Знаешь, очень тяжело вот так начинать разговор. Давай я опишу его как постороннего человека. Мне так легче.

– Хм, хорошо.

– Жил на свете мальчик, Фёдор... Пусть будет Веткин.

Фёдор прищурился, явно понял, о ком я, но кивнул, мол, продолжай. Мы находились в прямой видимости с КПП, остановившись и развернувшись, пошли обратно. Я же рассказывал:

– Мальчишка болел небом. Но шла война. Тогда он твёрдо решил стать воздушным военным. Родители погибли при бомбёжке, поэтому Фёдор оказался в детском доме, но упорство дало возможность добиться своей цели, своей мечты. Обучение в аэроклубе, потом в военном училище, и младший лейтенант Веткин в сорок третьем оказался в полку подполковника Соколова, прославленный полк, на «ла-семь» летали. Новенькая машина, но нет никакого боевого опыта...

Я описывал войну, бой в Берлине на развалинах, потом мирную послевоенную жизнь, что привела Веткина в этот полк. Как с женой встретился, поженились, потом описал дальнейшую жизнь, что, несмотря на провал поступления в Академию Генштаба, вышел на пенсию в звании подполковника с должности командира полка. Как в Литве на родине жены поселились. Взрослые дети разлетелись. Как умерла жена. Потом страшное время девяностых с развалом страны. Бесчинства националистов в Литве. Как Веткин попал в тюрьму, напав на такого националиста примерно того же возраста, что надел форму СС со всеми наградами и гордо шагал по улице в толпах таких же подлецов. Тюрьма двадцать лет, отказ предоставить гражданство Российской Федерации, четыре года в американской лаборатории, где над ним ставили опыты. Фёдор, слушая, кусал кулак, до крови докусался, но слушал не прерывая. Как умер, описал, и очнулся в теле корейского мальчишки в Корее, описал первую реинкарнацию, как погиб от подлого удара в спину. Как с изумлением очнулся в том же месте в том же теле. И вот так всё описывал, пока не дошёл до того, как добрался до Ленинграда и КПП этой части.

– Смирись с этим, – сказал я Фёдору. – Всё, что я рассказал, правда. Я Фёдор Палкин. Я – это ты. И я очень устал от всего этого.

– Верю, – вздохнул тот. – Так мою жизнь мог описать только я сам. Слишком подробные детали моей жизни.

– Батя с особистом полка идут, – сказал я, мельком глянув в сторону КПП.

Сержант, похоже, внимательно за нами наблюдал, а заметив, в каком Фёдор находился душевном состоянии, вызвал начальство, я видел, тот ходил звонить в сторожку КПП, потом вернулся обратно на лавку. А вскоре послышался звук мотора машины, у КПП встал «козлик», и пешком, выйдя, к нам направились командир полка и особист. Идти им было недалеко, мы стояли в пятидесяти метрах.

– Фёдор, представь своего гостя, – велел, подходя, комполка.

– Товарищ подполковник, – официально обратился к комполка тот. – Разрешите представить... Фёдора Палкина. Он – это я, только из будущего. Я там умер совсем старым и оказался в теле этого корейского мальчишки. Это действительно я, я проверил.

На меня уставились два ошарашенных взгляда, на что я смущенно развёл руками и согласно кивнул, подтверждая.

– Здорова, батя, сто сорок лет не виделись.

Фёдора я прекрасно понял, тот был настолько ошарашен свалившимися на него новостями, что тому требовалось просто с кем-то посоветоваться, и батя для этого вполне годился. Это особист был новенький, всего два месяца в полку. Правда, при этом успел заработать репутацию правильного мужика, но со своими тараканами в голове, видимо работа влияла. Он всегда на работе, даже когда расслабляется в компании.

– Что за чушь? – сказал батя, быстро взяв себя в руки.

– К сожалению, не чушь, – сказал я. – Хочу сразу поздравить, через неделю у вас, Юрий Алексеевич, родится внучка. Надей назовёте. В пять лет её собьёт мотоциклист на дороге, и на всю жизнь она останется хромой и из-за этого несчастной в жизни. Проследите, чтобы этого не допустить.

– Хм, вот как? А обо мне что скажешь?

– Погибнете в пятьдесят девятом при опробовании новой машины, пришедшей в полк, «миг-двадцать один». Двигатель отказал, а катапультироваться вы отказались, до последнего пытались спасти машину. Я на похоронах не был, за год до этого происшествия был переведён в другой полк. В Крыму он стоял.

Особист стоял и слушал всё, казалось бы, с отстранённым видом, но я знал его эту привычку, тот всё фиксировал. До каждого слова, движения и мимики. Вот тот и подал голос:

– А моё будущее знаешь?

– Капитан Соломин, кажется? – хмурясь, вспоминая всё по этому офицеру, сказал я. – Вы у нас человек новый, прослужили недолго. Были убиты. Потом прибыл новый особист, старший лейтенант Осокин.

– Из особого отдела корпуса, знаю такого, – кивнул капитан. – Когда меня убьют и как? Это известно?

– Известно ли? – усмехнулся я. – Да полк неделю потом на ушах стоял, столько слухов было. Ушли в лес, по своим делам. Пропали, прислали солдат, прочесали лес и нашли тело, заваленное ветками. От охраны аэродрома удалось узнать, что удар первый в спину был, ножевой, а потом ещё с десятков ножевых ударов, и горло перерезали. Говорят, не профессионал бил, неврастеник какой-то. Мясник.

– Когда это произошло? – играя скулами, спросил тот.

– Э-э-э. Шестнадцатого августа... Это?... Сегодня, получается?

– Придушу гада.

– В чём дело? – повернулся комполка к особисту.

– Это служебные дела. Я с моим агентом сам справлюсь. Нашёл, значит, лёгкий путь, скотина, – прошипел тот со злостью.

– Возьми солдат из аэродромной охраны.

– Ни к чему, – отмахнулся тот. – Хотя своим позвоню, приедут и подстрахуют. Встреча у нас через час назначена, в лесу. Товарищ подполковник, вы пока, хм, второго Фёдора в нашей служебной квартире поселите, у Палкина жена молодая, стеснит, а вечером все вместе соберёмся и более предметно пообщаемся. А сейчас извините, меня ждут неотложные служебные дела.

Капитан почти что убежал, а комполка сказал, кивнув в сторону военного городка:

– Идём, если не против.

– Нет, вещи со мной, да и вспомнить молодость хочется. Сколько тут не был. Кстати, забыл, в следующем году у инженера полка сын утонет, купался. Что там случилось, точно неизвестно, может, ноги свело, но жена у него с ума от горя сойдёт, повесится, детей-то они больше не могут иметь, а Бочкин сопьётся в край, со службы будет уволен.

– Да что ты говоришь? – расстроился подполковник, пока мы шли к КПП. – Постараемся не допустить. Когда это произошло?

– День рождения жены тринадцатого июля. Значит, пятнадцатого. Бочкин считал, что сына убили.

– Ещё есть что из такого?

– Из срочного: когда на берегу залива будут копать берег, чтобы сделать пляж для жителей нашего городка, экскаватор, что снимал слой, зацепит авиабомбу времён войны. Будет взрыв. Погибнет экскаваторщик и двое солдат строительного батальона, ещё трое пострадают. Это через три дня случиться должно.

– Понял. Сапёров вызову. Ещё?

– Две машины будут разбиты в этом году, в одном случае техник виноват. Не уследил, что силовой каркас дал трещину. Машина развалилась от нагрузок, лётчик, лейтенант Бадов, погибнет. Во втором случае электрика вырубилась в полёте, лётчик сажал машину на ручном управлении. Рация не работала, и он не слышал ваши приказы покинуть машину, не хватило места для посадки, поздно сел, врезался в пожарную машину. Полыхнули обе. Трое солдат пожарной команды погибли, а водитель успел выскочить из машины. Только ожоги получил. Его и сделали виноватым. Нарушил инструкцию, перекрыл полосу, хотя находился за её пределами.

– Кто пилотировал?

– Майор Барсуков.

– Начштаба? Плохо. Это всё?

– Из серьёзного да. Разве что капитан Лукин напишет анонимку на капитана Базеева в КГБ. Так МГБ называться будет.

– Они же друзья?!

– Женщину не поделили. Это через два года случится. Базеев на зону загремит. Пять лет отсидит за то, что не совершал, мы с ним в восьмидесятых встречались, он на Севере работал, вертолётчиком у газовщиков, вот он и рассказал эту историю. Только на Лукина он не злился, тот погиб во время боевого вылета во Вьетнаме. А та девушка женой его стала, а как вдовой оказалась, уехала на родину, больше о ней не слышали. Лукин Героя посмертно получил. Один против семи американцев, сбил четырёх. Последнего тараном. Не давал прорваться к нашим бомбардировщикам. Потерял ведомого и один бился, не струсил и не отступил.

– Одни плохие новости. Хотя одна хорошая есть? – спросил тот, садясь на место водителя.

Сегодня батя был сам за рулём, капитан убежал на своих двоих, так что, прихватив вещи, я устроился на заднем сиденье. Фёдор сел спереди. После этого батя, развернув «козлик», погнал в сторону служебной гостиницы, что была на территории военного городка. Я же, чуть подавшись вперёд, громко сказал, чтобы услышали:

– Хорошие новости тоже есть.

– Вечером поговорим, когда Соломин вернётся, – не отвлекаясь от управления, сказал батя. – Тот велел пока без него не начинать.

– Добро.

Когда мы остановились, батя отправил Фёдора на аэродром, у того были дела по службе, а сам провёл меня в фойе гостиницы и велел выделить бронь, заселив меня в ней. Мы стояли у стойки администратора, и пока служащая, жена одного из офицеров, заполняла бланк постоянного, батя вдруг спросил:

– Кстати, раз ты из Кореи, оружие с собой привёз?

– Конечно, – даже удивился я вопросу. – Четыре единицы и пару гранат. Я без оружия себя голым чувствую.

– Надо сдать.

– Буду привыкать ходить обнажённым, – вздохнул я и подмигнул администраторше.

К слову, та жена лётчика из другого полка. Тут на аэродроме базировалось два полка, истребительный и бомбардировочный. Фронтовые бомбардировщики, не стратеги. Подполков-

ник без спроса снял трубку телефона и вызвал штаб своего полка, велел дежурному офицеру прибыть к гостинице, принять у постояльца оружие по описи, поместив в оружейную комнату при штабе.

– Кстати, это вам. Подарок. Вы меня многому научили, – открыв вещмешок, я достал тяжёлую кобуру с кольцом, на ремне было три подсумка с запасными магазинами.

Батя покрутил пистолет, что достал из кобуры, оружие ухоженное, и кивнул, принимая, после чего спросил у меня:

– Это правда, ты в Корее сорок семь сбитых на счету имеешь?

– Да, всё верно. Лётная книжка при мне, только она на корейском и китайском заполнена.

– Найдём знающего языки. А гитара? Для виду носишь?

– Песен оттуда знаю тысячи. Про лётчиков тоже, вечером послушаете. Можно в клубе выступить, пианино и аккордеон я тоже знаю.

– Договорились.

На этом мы больше не дали администраторше нас подслушивать, получили ключ и поднялись в номер. Он был одноместным, со своим санузлом. Там унитаз, раковина и небольшая сидячая ванна, которую как душевую можно использовать. Единственное окно выходило на небольшую площадь и на вход в магазин.

– Вот, для старшего офицерского состава держим. Пока располагайся, питаться будешь из нашей столовой; я распоряджусь, помдежурные будут приносить к тебе в номер. Ты сейчас как, голоден?

– В поезде перехватил, так что ужина дождусь.

– Добро. Располагайся, если что нужно, магазин рядом, вон его видно. купишь что нужно.

Тут раздался стук в дверь, и я открыл её, впуская молодого лейтенанта. Увидев комполка, тот вытянулся, но батя быстро его на место поставил, напомнив, зачем тот пришёл. Они вместе осмотрели оружие, что я достал, поцокали языками, наблюдая, как с щелчком из трости появляется лезвие, трость оставили, остальное по описи забрали и оба ушли. Лейтенанту батя сказал, что я оттуда, с Корейской войны. Только тс-с-с. Уверен, полк через час об этом будет знать, а через два – второй и весь военный городок. Я понял батю, тот подготавливал почву для моего вживания в местные реалии. Кстати, батя документы на китайского лётчика-добровольца забрал, прежде чем уйти. На этом всё, принял душ, полотенце в номере было, и, надев свежее бельё, бросив старое в стирку, сам постираю, в лёгких одеждах прогулялся до магазина, замечая некоторые взгляды. Думаю, привлекала внимание моя экзотическая внешность, информация обо мне ещё не успела разойтись, времени мало прошло. А когда купил печенья к чаю и возвращался, обратил внимание, что народу стало больше, что со стороны меня разглядывают. Дойти до гостиницы не дали, двое пионеров, в галстуках, одеты – как будто только что с линейки, подойдя спросили:

– Здравствуйте. А вы правда с войны приехали?

– Правда. С поезда, прямо сюда к вам. Воевал лётчиком, сначала на китайском бомбардировщике, «ту-два», а потом на истребителе «ла-одиннадцать». А когда предложили научиться летать на «миг-пятнадцать», я тоже согласился. И последние полгода до окончания войны летал на советском реактивном истребителе. Лично сбил восемь американских «сайбров». Общий счёт у меня сорок семь сбитых. Есть ещё обстрелянная подлодка и два утопленных транспортных судна. Повоевать пришлось изрядно.

– Ух ты! А вы можете нам об этом рассказать? В клубе. Мы всех наших соберём.

– Через час устроит? Я гитару возьму, несколько песен спою.

– Конечно.

Пройдя в фойе гостиницы, поднялся в номер, вскипятил чайку, хотя это правилами запрещено, но мы, русские люди, всегда найдём выход, попил с печеньем, переоделся в луч-

шие одежды – чёрные брюки от костюма, белоснежную рубаху, туфли так начищены, что в них как в зеркало смотреться можно – и, прихватив гитару, направился к клубу. Где он находился, я помнил. Оказалось, мне сопровождающего выделили, даже двух, две девчушки лет двенадцати, тоже в пионерских галстуках, ждали внизу. Мой номер на втором этаже был. Сдав ключ, я с ними и направился к клубу. Там меня встретила заведующая клубом и провела на сцену. Зал был битком. Тут не только школьники, но и много взрослых было. В основном женщины, пожилые, но и несколько парней в военной форме заметил. В самоволке, что ли? Хм, тут и жена Фёдора была. Сразу её узнал. Такая молодая...

Я уже три часа находился в клубе, мне и воды приносили, а то горло пересохло, когда зашёл в зал батя и погрозил мне пальцем. После этого громко сообщил об окончании концерта. Он его из-за песни, что я заканчивал петь, принял за концерт. А я описывал армейские будни фронтовых лётчиков, вылеты, бои. Что видел своими глазами расстрелянных мирных граждан, налёты вражеской авиации на мирных жителей. Сожжённые огнёмётами госпитали и медсанбаты. Как американские лётчики расстреливали наших, что висели под куполами парашютов. В общем, много что рассказал. Изредка пел песни о войне. Аккордеон в клубе нашёлся, я исполнил песню «Фантом», слышал её ещё перед развалом Союза. К Корейской войне та тоже неплохо подходила, хотя пелась о Вьетнаме. Я лишь несколько слов изменил. А саму песню довел до совершенства исполнения ещё в Корее, пел для своих.

Прощавшись со слушателями, предложил завтра в это же время дать концерт, юмористический. Ну и песни будут, на что слушатели охотно согласились, а меня отвлекла заведующая клубом. Сказала, что всё организует. После этого мы с батей пошли к гостинице.

– Соломин в госпитале. Врачи пытаются ему жизнь спасти, – с хмурым видом сообщил батя.

– Не помогла информация? – уточнил я с некоторым удивлением.

– Помогла. Соломину выстрелили в спину из арбалета. Рана действительно на ножевую похожа. Самоделкин хренов. Его там бойцы из осназа особого отдела корпуса и повязали. Соломина перевязали и сразу в госпиталь. Операция всё ещё идёт.

– И кто он?

– Техник из нашего полка. Просмотрели гниду. Из националистов был. Каратель. Использовал документы настоящего фронтовика.

– Не Павлов ли, случайно?

– Ты знал? – поворачиваясь ко мне, спросил тот.

– Нет, просто логически мыслю. Только он подал прошение об отставке через месяц после убийства Соломина.

– Ясно.

Мы поднялись ко мне в номер, Фёдор уже тут был, ждал в фойе, я вскипятил чаю на троих, разлив по стаканам, и, пока мы пили, батя поинтересовался:

– Как так получилось, что ты новое тело получил, да ещё в прошлом? Что там в будущем?

– Плохо всё было, никакого светлого будущего не наступило. Я не видел. Фёдор знает, я ему рассказал. А вообще, по истории нужно несколько тетрадей написать, чтобы знали, что будет. Память моя после перемещения просто идеальной стала, вспоминать стал то, что давно, казалось, забыл. Даже какие бедствия были помню.

– Почему к нам пришёл? Не к правительству обратился?

– Я обращался, даже дважды. В первый раз забили в застенках Лубянки. Некто Абакумов расстарался. Во второй Сталину всё сообщил, стало чуть лучше, я одиннадцать лет прожил в Союзе, погиб в аварии в семидесятых. В общем, разница не существенна, разве что быстрее продвинулись в создании современных реактивных боевых самолётов. Я же всё до восьмиде-

сятых знал, летал. По сравнению с сегодняшними моделями, небо и земля. Богом себя в небе чувствуешь.

– Не понял, как это два раза обращался?

– Я много раз умирал и постоянно возвращался в это тело, начиная всё заново. В последний раз, не выдержав, пробрался в Америку, застрелил президента США с его замом и взорвал Капитолий со всем Конгрессом и сенаторами. Только уйти не успел, заряд раньше взорвался, погиб и вот начал заново. Видимо, мозги прочистились, решил повоевать, а после войны Фёдора навестить. Впервые за все свои многочисленные жизни это сделал.

– У меня голова кругом идёт, – сказал батя и, достав папиросы из портсигара, постучал по нему и закурил. – Рассказывай сначала.

На следующий день, пообедав и даже отдохнув, полуденный отдых, я прихватил гитару и направился в клуб. Подошёл вовремя, мы ещё с заведующей пообщались, та, оказывается, кассу открыла, билеты продавались, но я на деньги не претендовал, так той и сказал. После этого вышел под аплодисменты на сцену, слегка поклонившись, гитару пока прислонил к стулу и сказал:

– Доброго дня, товарищи. Наш концерт мы начнём с юмористических рассказов. Та история, которую я вам сейчас расскажу, не была выдумана и случилась на самом деле, чему было множество свидетелей, особенно среди радиолюбителей, потому как монолог, который я вам опишу, происходил в радиоэфире. История эта произошла между американским боевым флотом и испанцами. Итак, приступим...

В общем, я в красках и лицах описал монолог офицеров флота с испанцами. Спор и запугивание, последнее от американцев, шёл из-за того, кто первым отвернёт. Пока не выяснилось, что испанцы находятся на маяке, а американцы полным ходом идут на них. Всё это так получилось, что зал лежал, захлёбываясь от смеха. Дав им немного передохнуть, сидя на стуле, я спел юмористическую песенку от Высоцкого, «Разговор в цирке», что тоже было принято на ура. Сегодня только юмор, даже песни об этом, ничего более. После песни ещё один рассказ. Описывал, какие законы в Америке, вызывая взрывы хохота в зале. А что, когда я жил в Аргентине, имел интернет и активно общался с российским юмористом Задорновым, все его передачи и концерты видел, на некоторых бывал лично, ещё он у меня на вилле гостил, вот и копировал его сценки. Они были интересны в будущем, интересны и сейчас, что ярко демонстрировалось. В общем, два часа пролетели очень быстро. Зрители долго аплодировали мне вслед, в конце концов я спел последнюю песню на бис, она детская, всё же в большинстве в зале дети, хотя и взрослых было немало, не меньше трети. На этом простился и направился в гостиницу. Там уже батя ждал. Кстати, мы договорились, пока наверх тот сообщать не будет. После смерти Сталина там сейчас борьба за власть идёт. А кто станет главой и до чего доведёт страну, тот уже знал. Хрущёва тот заочно ненавидел.

– Как Соломин? – вешая гитару над кроватью, спросил я комполка.

– Очнулся. Там сейчас жена с ним. Дочка тут в городке, соседи взяли присмотреть.

– Понятно. Так что решили? Принимаете мой план?

– Да, беру на себя эту ответственность. Даю добро. С Соломиным я сам поговорю.

Мы договорились вот о чём. Я на бумаге описываю историю Союза, кто развалил, зачем и когда. В общем, всё, все бедствия по годам, всё что вспомню. А в альбоме для рисования рисую современные в будущем машины, истребители и штурмовики. Всё что знаю о них, описываю в тетрадке. На этом всё, мы прощаемся, я самостоятельно покидаю Союз, а они тут уже сами. Лезть в эту клоаку я не хотел, что достаточно ясно продемонстрировал. Уже делал, хватит. А пока на территории военной части меня записали как приезжего артиста разговорного жанра. Юмориста и певца. Да, был пущен слух, что я оттуда, что я подтвердил концертом, документы мне батя уже вернул, но это больше не муссировалось. Был и был.

– Хорошие новости, – согласился я.

– Это ещё не всё. Я на твоих концертах не был, как-то не доводилось, но о тебе уже пошли слухи. Звонили из штаба нашей дивизии, просили отправить тебя к ним, выступить в Доме офицеров в Ленинграде. Неужели так интересно рассказываешь? Надо обязательно сходить. Обычно концерт начинается, когда у нас служба, а потом ты уже отдыхаешь. Это можно как-то изменить?

– Да, конечно. Можно до обеда давать часовой концерт для детей, у вас в городке их много, вернулись с каникул и пионерских лагерей. А после шести вечера, в семь, давать концерт часа на два уже для взрослых.

– Отлично. Тогда я свяжусь с комдивом, завтра у нас два концерта, а послезавтра тебя свозят в Ленинград, и дашь концерт там в Доме офицеров. В семь вечера удобно?

– Вполне.

Дальше я принял душ и, взяв стопку принесённых Фёдором офицерских тетрадей, чистых, приготовил письменные принадлежности и приступил к работе. Написать нужно было много. Офицеры ещё посидели со мной, мы чаю попили, мне ужин принесли, а потом они ушли, а я работал, обещания нужно выполнять, надеюсь, успею.

В полку я провёл две недели, пока за мной не пришли. Поверьте, это изрядно времени. Батя прикрывал как мог, но всё же как-то информация ушла. Вроде не Соломин постарался, хотя, может, и от него ушло. Сейчас уже и не узнаешь. Бате о прибытии группы не сообщили, видимо, чтобы не помешал и не предупредил. И что важно, я собирался завтра покинуть расположение полка, закончив писать мемуары, точнее историю Советского Союза от наших дней до развала, альбомы зарисовал с машинами будущего, дал их ТТХ, некоторые узлы и приборы нарисовал и дал описание. Учёным будет легче разобраться, если знать, к чему стремиться. Я успел побывать почти во всех клубах дивизии и штаба авиакорпуса, что был развёрнут на этом побережье. Меня на самолёте даже в Мурманск на два дня возили, четыре концерта там дал. Народ, не избалованный подобным юмором, был в восторге. Я начинаю чувствовать себя поп-звездой, как говорил дядя Миша, как я его называл. Поп – от слова попы.

Сегодня я как раз дал вечерний концерт, а сегодня было второе сентября, школа, уроки начались, но всё равно детей в зале хватало, хотя концерт был для взрослых. Местные офицеры с жёнами, их родители, кто приехал и жил с детьми. Зал, как всегда, был битком. Сегодня у меня новая программа для концерта, заезженного не было, я редко концерты повторял, только для тех, кто пропустил их. Это я про наш клуб, на выездах, там можно повторяться, меня никто не знал. Хорошо подобранная программа позволяла зрителям, покидая клуб, пребывать в хорошем настроении, с улыбками, по кому-то до сих пор судороги смеха пробегали. Некоторые мои речи повторяли в кругу знакомых, отчего все взрывались смехом. Всё же дядя Миша великий юморист, грех это не признавать, а я так, лишь плагиатор. Замечу, особую радость у зрителей вызывали рассказы об американцах и Америке. Моя фраза «ну тупые-е» стала крылатой в городке. Я не знаю, что в будущем, что в это время, похоже, эта тема будет всегда актуальной.

Придерживая гитару, а я всегда даю музыкальное сопровождение из песен, у меня их действительно много, шёл от клуба, пожимая людям руки, ощущая хлопки ладоней по плечам, пара девушек так подарили поцелуй, целомудренный, в щёчки, хотя одной я губы подставил, вызвав смех и свист, когда замер. Мне навстречу выходили трое, улыбка сразу слетела с губ, я волком осмотрелся, убирая девушку за спину. Двоих я не знал, а вот одного очень хорошо: капитан Озёрин, это он был одним из моих инструкторов осназа в Москве, где я жил несколько лет, во время одной из реинкарнаций. Опытный боец. Тот тоже отслеживал мою походку, и чем дальше, тем больше хмурился. Бойцы такого уровня по одним движениям видели, кто перед тобой, как их ни маскируй, и тому не нравились мои движения. Видел что-то знакомое? Воз-

можно. Осмотревшись, обнаружил ещё шестерых неизвестных, что замкнули колечко, выдавив тех из зрителей, кто ко мне подошёл.

– Капитан Озёрин? – с кривой усмешкой сказал я. – Давно не виделись.

Зрители, что уже отошли от клуба, спешили вернуться, чтобы узнать, что происходит, остальные нас начали окружать.

– Мы знакомы? – спросил тот, замерев на месте, пристально меня рассматривая.

– Я больше трёх лет был вашим учеником. Вы сказали, что я был лучшим у вас.

– Не припомню такого.

– Не сомневаюсь.

– Ты садишься в машину и едешь с нами, – указал тот на две «победы» и «эмку», что стояли у магазина.

– На эту шутку я больше не куплюсь. Один раз съездил, так фактически забили на Лубянке.

Почему подошли ко мне тут, я понимал, торопились, иначе тихо бы повязали в номере, вынесли так чтобы никто не увидел, и увезли. Однако каждый вечер со мной в номере проводил батя, да не один, Фёдор ещё был, что приносил от жены вкусняшки, та готовила пирожки и пироги. Я любил её стряпню. А вообще жена у Фёдора училась на последнем курсе медицинского, скоро интернатура будет, она пройдет её тут, в поликлинике, что имелась на территории военного городка. Толпа вокруг от моих слов глухо зароптала, похоже Озёрин понял, что совершает ошибку, мои зрители меня в обиду не дадут, тем более группа захвата была одета в гражданские одежды. Тот среагировал сразу, достал удостоверение, в руках предъявив открытые корочки, к нему вышел полковник, командир бомбардировочного полка, осмотрел и кивнул, подтверждая. Что примечательно, его особист стоял в сторонке, а не он ли меня слил?

– Этот человек задержан! – громко сказал капитан. – Приказ подписан особым отделом штаба округа.

Тут, подтверждая мои предположения, особист полка бомбардировщиков подтвердил полномочия этой группы. Однако сдаваться я не стал. Хотя брали меня жёстко, то есть сломали ногу и несколько рёбер, раздавили гитару, но повязать всё же смогли. Я лишь радовался, сплёвывая кровавую слюну, три зуба выбиты и ещё несколько шаталось, что победа далась группе захвата дорого. Не зря столько тренировался. Двоих в бессознательном сознании грузили в машину, три руки сломал, одну из плечевого состава вырвал. Однако никого из своих группа Озёрова не оставила, погрузились, меня не забыли и укатали. Как КПП проехали, не видел, меня чем-то укололи, и я вырубился.

* * *

Очнувшись, я понял, что завален телами. Перед глазами торчала чая-то грязная пятка. На инстинктах я задёргался, при этом не понимая, что происходит, где склон, травма головы и удаляющийся рёв армейского грузовика? Ладно, сейчас не до того, нужно понять, что происходит. Тела свежие, окоченеть не успели, с некоторых на меня всё ещё лилась кровь. В общем, куча зашевелилась, и я услышал возглас на английском языке с американской кашей во рту:

– О, тут один узкоглазый живой.

– Добей, – приказал кто-то другой.

Прозвучала короткая очередь, и меня поглотила новая тьма.

Очнулся почти сразу, под той же кучей. Только в этот раз не стал резко шевелиться и привлекать к себе внимание. В прошлую реинкарнацию в новом теле я не успел получить информацию по этому самому телу. Я так и лежал, пока американские солдаты смеялись где-то рядом, шуточки сыпались, предлагали кого-то вдуть сильнее. В общем, вскоре раздался рёв мощного

движка, и тот стал удаляться. Зажимая касательную огнестрельную рану на голове, выбравшись из-под тела, я рассмотрел в пыли удаляющуюся корму гусеничного бронетранспортёра. Знакомая модель, американский, кажется модель М59. Додумать я не успел, тут на меня обрушились воспоминания прошлого хозяина тела, и я потерял сознание от боли, хотя ожидал нечто подобное. По опыту прошлого тела.

Очнулся я, видимо, сразу, потому как ещё слышал в отделении рёв движка бронетранспортёра, пока тот не стих из-за большого расстояния. Сев, я посмотрел на два десятка убитых мирных граждан, жителей Вьетнама, крестьян, их расстреляли из штурмовых винтовок, кому-то досталось из крупнокалиберного пулемёта, что стоял на боевой машине. Пошатываясь, я отошёл от кучи тел на дороге и посмотрел на обочине на двух вьетнамок. Красивые девочки. Были. Насиловали их долго и с расстановкой. Ноги до сих пор раздвинуты. Добили ножами или штыками. Живых, кроме меня, никого не было. Я решил проверить, осмотрел все тела, может, ещё кому повезло так же, как мне? Оторвав кусок рубахи у убитого крестьянина, та на вид чистой была, я перевязал голову и, спустившись к воде чека, с обеих сторон дороги рисовые поля, – в самом неприятном месте застал беженцев патруль, – я присел, мельком осмотрев себя в отражении, и начал умываться и стирать кровь с лица и шеи.

Да, я теперь знал, как звали мальчишку, в которого попал. В этот раз тело мне досталось не пятнадцатилетнего парня, а, скорее всего, четырнадцати лет. Точно не знал и сам прошлый владелец этого моего нового тела. Звали мальчишку Ли Ван Кыонг. Имя Кыонг означает «сильный». В общем, в этот раз судьба у парнишки тоже была незавидна. Мать жила во французской фактории, где от французов, родители разные, родила дочь и сына с разницей в шесть лет между ними. Последний младший был. Потом факторию закрыли, и женщина вышла замуж за крестьянина-вьетнамца. Вроде всё неплохо шло, но умерла от заражения крови, рана была на ноге, и вот дошло до гибели. Крестьянин тот недолго горевал, тут же изнасиловал сестру Вана, имя его мне не нравилось, коверкать язык не хотел, и выгнал парнишку. Тот на девчонку давно поглядывал, но жена его в кулаке держала, а тут все барьеры сдерживания спали. Крики сестры до сих пор поднимали Вана по ночам. В результате напал на него, порезал ножом и сбежал. Только через два года узнал, что сестра совершенно спокойно вышла замуж за другого крестьянина, а она действительно красива была, уже родила дочку и воспитывает её. Тот крестьянин, что над ней надругался, отчим, умер от ран, сильно Ван его порезал. Сам Ван прибил к пожилому вьетнамцу, тот был проводником по джунглям. Также собирал целебные травы и продавал их на рынках. Тот взял парнишку в ученики. Четыре года тренировал и учил, сбежал из дома Ван в девять лет. Два месяца назад учитель Вана был убит, авиацией тот квадрат накрыли. Да, сейчас шла Вьетнамская война, тысяча девятьсот шестьдесят шестой год. Июль. Находимся мы в провинции Биньдинь. Американцы уже больше года как тут высадились и до сих пор перебрасывают войска. Ван знал три языка, вьетнамский, один из горных диалектов вьетнамского, они там жили с учителем, хижина у них имела, и французский. Его плохо знал, писать так совсем не умел. После гибели учителя Ван подражался работать проводником, уводил людей с захваченных войсками ООН земель на безопасные территории, контролируемые Севером. Брал немного за работу, нанимали его охотно. Три раза удачно провёл, а вот тут попались. Четвёртая группа была полностью уничтожена, вместе с маленькими детьми. Ван думал переждать до ночи и пересечь дорогу с наступлением темноты, но решил рискнуть. Это было его решение. Ошибочное.

Ладно, сейчас не до того, и прошлая жизнь обычного вьетнамского мальчишки мне пока была безразлична, кроме его знаний о множестве троп и укрытий в джунглях. У него было три тайника в разных местах, ничего серьёзного, припасы везде, но в одной была американская винтовка. Украл её на американской базе, прокравшись на территорию, вытащил из кабины грузовика вместе с двумя армейскими пайками. Я опознал её как М-14. Только патронов нет, он их расстрелял по пролетавшему вертолёту модели «Ирокез», его ещё знают как «Хьюи».

Пиндосы из-за обстрела в джунглях Вьетнама потеряли множество этих вертолётов. Да и было там в магазине патронов десять штук.

Сам Ван имел очень красивую внешность, смесь Азии и Европы. Стройный, волосы чёрные вьющиеся, сейчас я их тряпицей замотал, чтобы остановить кровь. И уже пользовался успехом у девушек и женщин, от которых шарахался как от огня. После случая с сестрой, от того, что увидел, похоже, стал полным импотентом. Ни одной реакции на женщин, кроме испуга. Это я так, отвлёкся от мыслей. А сам, отойдя от воды чека, стал сталкивать тела на обочину, осматривая котомки и вещи. Американцы этим не занимались, побрезговали, хотя следы лёгкого обыска я видел. Видимо, деньги искали, их не было. Изнасилованных девчат тоже отнёс в общую кучу. В результате при мне оказался вещмешок, набитый съестным и чистой рубашкой, найденной в вещах, ну и котомка с утварью и разными мелочами для жизни в лесу. Оружия не было, нашёл неплохой нож в ножнах у одного из беженцев, тот нож, что ранее был на поясе Вана, пропал, но у него второй остался, небольшой засапожный на щиколотке. Его американцы не нашли. Нож я проверил, заточен остро, потом вернул обратно. Так оставив тела, я направился следом за американцами, они укатили туда же, куда Ван вёл беженцев. В ту же сторону.

Одет Ван был неприметно. В тёмно-серые брюки, такой же расцветки рубаша, на голове соломенная шляпа, она в стороне валялась, с отверстием от пули и с кровью, я её подобрал и снова надел. На ногах сандалии, не самая удобная обувь для джунглей, но у Вана ничего другого не было. Да и не поносишь в тропиках другую обувь. Ещё были кальсоны, что-то вроде трусов. Вот и вся одежда. Из личных вещей Вана, что я нашёл, была котомка с утварью, чтобы готовить на костре, куда-то пропали вещмешок со скаткой одеяла и тентом. Всюду обыскал, даже на воды чеков посмотрел, не кинули ли туда, но нет, пусто. Зачем американцам вещи Вана? Пришлось поискать и отобрать не побитые пулями вещи беженцев. Так отобрал вполне годный заплечный мешок, два одеяла, один подстилкой будет, другим укрываться. Приметил скатку циновки и её взял. Внутри одеяла и завернул. В вещмешок ушли лепёшки, несколько вяленых кусков рыб, специи, три кило риса, заварка для чая. Бобы два кило. Ну и сверху рубаша запасная. В котомке небольшой котелок, кружка и металлическая миска, ложка для готовки, несколько палочек. Соль, своя заварка, лепёшки, сушеное мясо и несколько свежих луковиц. Ещё у Вана была мелкокалиберная винтовка непонятной модели, она лежала тут, изувеченная, сунули под гусеницы.

Ноша тяжела была, при шагах болью в рану отдавала. Двигался я по следам гусениц тяжёлой машины. Я хотел найти уродов и наказать их. А пока шагал, не забывая внимательно поглядывать вокруг, зрение у Вана было даже лучше, чем у Пака в прошлой жизни. Вскоре дорога скрылась в тропическом лесу, где я сошёл с дороги и направился дальше рядом с ней, чтобы меня не заметили. Помогло, пост обнаружил, который обошёл, перешагивая через лески противопехотных мин. Тут я остановился, скинув ношу, и стал, осторожно работая, снимать мины. Трёх хватит. Я найду, где их поставить. В дороге времени подумать было много, вот к каким я выводам пришёл. Похоже, мне дали второй шанс жить, когда я рассказал всё Фёдору. Всё так просто оказалось. Тут тоже с реинкарнацией жить, может, снова Фёдора навестить? Интересно, чьё тело я займу следующее? Однако торопиться с этим я не буду. Были причины в этом, и очень веские. Например, я в новом теле, попав в Вана, понял, что хочу жить, хочу жить полной жизнью. Тут я не чувствовал моральных кандалов и не видел жизнь как будто на каторге, как будто у меня была цель в жизни, которую я не исполнил. Думаю, это остаточные эмоции Пака, и они влияли на меня, отчего и искал возможности избавиться поскорее от тела Пака, это было больше неосознанное решение, перешедшее у меня в манию. В результате всё получилось, и теперь я только рад своему бессмертию и буду делать что хочу и что пожелаю. У Вана не было цели, он просто жил как хотел, что совпадало с моими желаниями. Пак, скорее всего, мне не подходил, оттого я столько реинкарнаций с ним и мучился. Другое дело Ван, я в восторге от

нового тела. Да и психологического блока не было. Стоило вспомнить мою мулаточку. Уф-ф, я мужчина в полном смысле этого слова. Отлично.

Не знаю, может, высшим силам надоели мои мучения, или действительно стоило ранее поговорить с Фёдором, чтобы новое тело получить, но я этому только рад и не собираюсь ничего менять. Тем более то, как я умер, тоже навевает не самые приятные воспоминания. Меня же тогда взяли по-жёсткому на территории военного городка. Сначала в госпиталь, а потом в Москву. Я там Хрущёва видел, вырвал руку из наручников и убил его ударом в горло. Планировал побег, а тут вон куда пришлось пустить возможность снять наручники. Это всё, что я мог сделать для наших, хоть так изменить историю. Суда не было, заперли в карцере, и там я провёл полгода в полусидячем положении. По влажным стенам стекала вода, холодно было, результат понятен. Организм всё же не выдержал, и я умер от острого бронхита. В бреду ещё помню, меня отправили в тюремную больницу, но делали ли там что, уже не знаю. Очнулся под грудой тел. И да, со мной многие часто говорили, даже показывали тетрадки, кои я писал и отдавал бате. Значит, и с ним поработали, добровольно тот бы их не отдал. У меня даже вопрос встал, жив ли Фёдор? Но я молчал, с этими говорить отказывался. Да и я особо им не нужен, всё в тетрадках есть. Результаты вы видите, новое тело, новая жизнь. Ради такого рискнуть и умереть такой страшной смертью я был не против. Кандалы скинул, и меня ждёт новый мир. Эх, повеселюсь.

Снял я четыре мины и, шупая перед собой тропу – уже стемнело, не видно ничего, полная темень, – направился к базе американцев, видно, что временная, недавно тут появилась. Зону безопасности вокруг базы вырубili всего метров на двадцать. Ограда из колючей проволоки, часовые на вышках, и всё. Прежде чем подойти к лагерю, я оставил вещи метрах в двадцати позади, снял шляпу, я голову замотал длинным листом местного растения, чтобы скрыть импровизированный бинт. Со своего места я наблюдал четыре вышки с ручными пулемётами по концам лагеря, колючая проволока не везде была, половина столбов вкопана, и там она свисала, в остальных местах просто на земле валялась мотками. Проползти можно. Около трёх десятков больших палаток, солдаты, что бродили по базе, часовой на въезде. Стоянка боевой техники и грузовиков. Последних с два десятка, две зенитки и одиннадцать гусеничных бронетранспортёров, вроде того, что был у патруля. Какой из них там участвовал, не знаю. Помню две последние цифры номера – 09, остальное было скрыто свесившимся краем масксети. Большая палатка с поднятыми стенами показывала веселившихся солдат, там был бар и столы, где-то глухо рокотал дизель-генератор, что давал свет прожекторам и лампам. Отдельно стояла палатка медиков, рядом санитарный автомобиль. Да и на палатке красный крест. Отлично, всё что нужно имеется. Рядом с медиками свободное пространство, похоже место для вертолёта, санитарного борта, но сейчас там было пусто.

Я отполз назад, машинально отбросив змейку, и чего ей не спится, этот вид очень ядовитый, и, забрав вещи, направился в обход лагеря. Это с моей стороны колючая проволока лежала на земле, сложно проползти будет, всё потревожу, а с другой столбы, вот они и пригодятся. Дальше я вот как сделал: отошёл на двести метров от окраины поляны, где расположена база, нащупал натянутые лески противопехотных мин натяжного действия и снял полосу метров в двадцать. Тут не только противопехотные были, но и сигнальные. Потревожишь, вверх ракета взлетит. Их я не брал. Вещи с той стороны сложил, а все мины, сделав вязанку, шатаюсь от тяжести, понёс к лагерю. Я им устрою тартарарам. Выбрал для проникновения то место, где заканчивались столбы и с последнего свисала проволока. Вот, прижавшись к нему, и прополз в щель. Мины взял пока четыре, а то шумом, пока я волоком бы их тащил, привлеку внимание часового на вышке. Приходилось, когда свет прожектора проходил по этой местности, замирать и, как тот уходил дальше, продолжать движение; добравшись до палатки медиков, я оставил мины в тени палатки и сделал ещё два рейса. Всего мин двенадцать было, да две на опушке оставил, преследователей в будущем притормозить, ставя на своих следах. В общем, все мины

были на месте. Дальше аккуратно приподнял материю палатки и заглянул внутрь. Там было две девушки в форме военных медиков. Обе лейтенанты. Одна другой косы заплетала, а на столе стояло зеркальце на ножке. Отлично, всё что нужно тут было, я тихо проник в палатку, подрезав крепление, чтобы тент поднять, а то натянуты были, и, возникнув позади девушек, двумя точными ударами вырубил обеих. Тяжело было, но уложил обеих на койки в палатке.

Дальше достав из кобуры одной пистолет, обычный кольт, положил на стол, приведя к бою, чтобы под рукой был. Вторую я тоже разоружил, да и ремни с кобурами снял. Связал им руки за спинами и кляпы вставил, вдруг неожиданно очнутся. Поискал и нашёл армейский длинный вещмешок. Выкинул барахло, убрал один экземпляр оружия внутрь, осмотрел шкафчики и набрал медикаментов и хирургические инструменты. После этого сел за стол и, поглядывая на вход, мало ли кто случайно заглянет, стал снимать повязку. Рывком. Кровь всё же потекла. Что удивительно, рана на том же месте, как и у Пака, в тело которого я ранее попал. Только там удар о камень был, форма раны в виде подковы, а тут длинная, но глубокая. Нужно шить. Поискав, я нашёл опасную бритву, всё что нужно, и, намылив голову, стал брить её. Рану пока пластырем закрыл, кровь от этого течь не перестала. Закончив, полотенцем протёр голову, осмотрел в зеркальце и ощупал, хорошо побрил, ну и, сняв пластырь, приступил к лечению. Обработал рану, почистил, потом сделал себе два укола, от столбняка и другой – антибиотик. Ну и, приготовив шовный материал, стал шить. Не обезболит, мне нужна ясная голова. Когда закончил и, протерев шов смоченной в спирте ваткой, начал бинт накладывать, у входа вдруг раздались шум и голоса, я так и замер с поднятыми руками, но потом продолжил, ускорив работу, слушая, о чём говорят. Голоса вскоре замолкли, и шаги удалились. Уф-ф. Вот это выброс адреналина был. В общем, бинт я закрепил скобками. Дальше нашёл в вещах форменную юбку одной из девушек, обе были в пятнистой форме и брюках, разрезал её ножом, сделал платок, и завязал бандану, та, зелёная, скрыла бинт.

Дальше в баул убрал и второй пистолет, отложенные медикаменты, чтобы перевязку делать, и зеркальце на ножке, осмотрелся на предмет трофеев, лимит времени был, но я всё же нашёл двухлитровый термос. Отличная штука. Его тоже убрал в баул. Ну и, покинув палатку, сначала отнёс баул к ограждению, положив с той стороны, и, вернувшись, тут смена часовых как раз шла, подхватил мины и направился к стоянке техники. Найти нужный бронетранспортёр удалось легко, тот один имел номер, что заканчивался на нужные мне две цифры 09. Внутри, на ящиках к крупнокалиберному пулемёту мину я и поставил, а леску привязал к дверце водителя. Может, всё сдетонирует? Ещё две мины у бензовозов и бочек с топливом установил. Одну да потревожат. Остальные в рядах между палатками. Бегать в панике начнут и иницируют. Мины «лягушками» были, выстреливали вверх и взрывались, разбрасывая сотни свинцовых шариков. Когда закончил, осмотрел ещё раз технику, искал оружие, тяжёлые пулемёты мне не снять, но в одном бронетранспортёре нашёл переломный гранатомёт и ремень, где были гранаты, двадцать семь штук. Знакомый гранатомёт, видел такие трофеи, когда в этой войне участвовал. Кажется, наименование у него М-79. Ещё нашёл коробку с патронами к винтовке, что была у Вана спрятана в тайнике. Прихватил её. Ну и, добежав, скрываясь, до ограды, убрал коробку в баул, места хватило, и, закинув за спину, к гранатомёту, стал ползти в сторону опушки. Смог уйти, скрывшись за деревьями. Отнёс трофеи к остальным своим вещам. Подготовив их к переноске и вернувшись, снарядив гранатомёт гранатой, с опушки выстрелил по лагерю, прицельно по бару, где было множество народу. При этом сразу рванул обратно, а по дереву, за которым я стоял, ударила сначала одна пулемётная очередь с ближайшей вышки, потом ещё несколько. Те только и поливали, а я, загрузившись вещами, отправился дальше. На адреналине эту тяжесть уносил, точно говорю. В полукилометре поставил мину, следы от сандалий вдавленные, найти могут, спрятал её в траве. Попытался поднять вещи и не смог. Выдохся. Аж взвыл от отчаяния. От базы стрельба доносилась, зарево от пожаров видно, хлопки сработавших мин, а я думал, как добро утащить. Схватив баул и гранатомёт с

боеприпасом, я пробежал метров двести, оставил там и бегом вернулся обратно. Так я далеко не уйду, кровопотеря сказывалась, усталость, шатало уже, но стоит удалиться. Если мина сработает, я услышу. Плохо, что не смог уйти далеко, но может, вблизи меня не будут искать? А ведь хотел всё загрузить в один из бронетранспортёров и просто удрать на нём. Решил не рисковать. Сглотнул, признаю.

Закинув верёвку на ветку, я поднялся наверх и по одной стал поднимать вещи, пока не забрался чуть ли не на самую верхушку. Однако это не всё, я никакой уже был, сил не оставалось, но это не помешало мне перебраться по ветвям на другое дерево, а потом дальше, где удалось найти дерево с самой густой кроной, спрятать трофеи и пожитки. Тут привязался к ветке и почти сразу отрубился. Всё, предел сил наступил.

Проснулся я от шума внизу, от голосов. Замерев на миг, выглянул и рассматривал американских солдат, что двигались группой. По моим следам, к слову. Не знаю, подорвались на mine или нет, но то, как они двигались, мне не понравилось. На командос похоже. Может, егеря? К счастью, меня они не обнаружили, хотя фишка с прятками на деревьях известна давно. Только, видимо, не стали искать иголку в стоге сена и, проведя поисковые мероприятия, ушли. Только вот я на это не куплюсь, секреты и наблюдатели должны вокруг быть, как спущусь, меня тут же обнаружат. Мне оно надо? Так что я отвязался, переполз к стволу дерева и отлил сверху. Давно терпел. Напился из термоса, там какао было, осталось от медиков полколбы. Достал лепёшку с вяленой рыбой и стал есть, лепёшку и мясо грызть. Шло туго, но зубы молодые помогали, так что, насытившись, стараясь не двигаться резко, это сразу привлекает внимание, я долго всматривался в землю и деревья вокруг. Солдаты вели себя слишком нарочито, значит, знают, что я где-то тут. Говорили громко, что просто невозможно, значит, привлекали внимание. Думаю, даже нашли мои следы, где я на дерево поднялся, хотя старался это на корнях делать. Но следы вели к дереву и пропадали. Тут любой догадается, куда скрылся, наверняка осмотрели само дерево, ближайšie, и, не найдя, удалились, выставив несколько групп. А я через четыре перебрался и укрылся на пятом, тут листья много.

Получается, тут выигрывает тот, кто другого пересидит. Слезать с дерева не стоит, тут свисающие лианы хорошо меня скрывают. Плохо, но терпимо. Додумать я не успел, неподалёку раздался щелчок, и в мою сторону с шипением полетела ракета. Попала та в ствол, но меня всё равно сбило, и, обрывая лианы, я полетел вниз. От удара раздался хруст, и темнота. Кажется, я так неудачно упал, что сломал себе шею. Хотя всё равно не жилец, меня не только взрывная волна достала, но и осколки наспиговали. Как сознание не потерял, не понимаю. А командос на деревьях сидели, ждали, когда я проявлю себя, и дождались, рассмотрели.

Снова я под грудой тел, убийцы снесли их к краю дороги, чтобы проезд не загоразживали, и я оказался внизу. По пояс придавили, остальное открыто. Сразу придя в себя, я сквозь ресницы посмотрел на стоявшего рядом солдата, а когда тот, баюкая штурмовую винтовку М-16, перекинул ту на левый локоть, повернувшись спиной ко мне, то аккуратно освободил ноги и, достав засапожный нож, приготовился к прыжку. Тот мельком обернулся и не заметил движения, не обратив внимания, что поза моя изменена, видимо не фиксировал это, снова отвернулся, подбадривая парней, что насиловали попутчиц Вана. Привстав, я осмотрелся, чтобы оценить ситуацию. Значит, так, один рядом со мной стоял, метрах в трёх, спиной, сержант у заднего борта бронетранспортёра, где был опущен пандус. У крупнокалиберного пулемёта из башенки по пояс виднелся солдат, рядом из люка торчала голова в каске ещё одного, похоже водителя, что, положив руки на край люка, с интересом наблюдал за тем, что творили их сослуживцы. Броня была повернута так, что через открытый пандус я их не видел. У дороги стояли пятеро, поправляли детали амуниции, видимо успели первыми, и у насилуемых девушек двое,

что как раз и занимались процессом. Они, видимо, ослабли, держать уже не нужно. Одиннадцать тварей общим числом.

Вскочив, я подсёк ножом стоявшему рядом пехотинцу сухожилие под коленкой, отчего тот начал заваливаться на меня, и сразу же вбил клинок ему в основание черепа, доставая позвоночник. Всё, готов. При этом левой свободной рукой сорвал с того ремень штурмовой винтовки с плеча. Я уже видел, магазин удлинённый вставлен, на тридцать патронов. Вскинув приклад к плечу, наводя ствол на двух солдат в бронетранспортёре, они самые опасные, особенно если просто присядут за прикрытие брони, и молясь, чтобы та была приведена к бою, нажал на спуск. Винтовка гроыхнула короткой, на два патрона, очередью, на удивление мягко прижавшись к плечу. Отдача была слабой, что мне очень понравилось. Голова пулемётчика разлетелась, а я уже навёл ствол на водителя и дал такую же короткую очередь, после чего по сержанту, что пытался уйти в перекат, и длинную по пяти солдатам, что в шоке замерли. Сбил всех с ног. А когда двое вскочили, и по одному патрону не пожалел. Быстро пробежавшись, добил подранков, коих четверо оказалось, включая сержанта. Хотя ему позвоночник перебило. Добил всех без сомнений.

Перезарядив винтовку, тут это просто, я подбежал к девчатам, им на вид лет по пятнадцать было, и попытался привести в чувство. Бесплезно, одна без сознания, другая смотрит в небо и ни на что не реагирует. Сняв с одного из солдат флягу, проверил – вода с лимонным привкусом. Видимо, добавка, полил в рот той, что без сознания, та закашлялась, но сделала несколько глотков. Однако в себя не пришла. А вот второй помогло, залил в рот, тоже кашляла, но хоть отмерла, заплакала. Я сбегал и принёс два одеяла от вещей беженцев, накрыл их ими. Девчата пока в неадеквате, пусть в себя придут, а я трофеями займусь. В общем, я снимал ременные системы с подсумками, каски, всё оружие собрал, всю обувь снял, продать можно. Целые брюки камуфляжные, кепи. В общем, остались полураздетые тела. Оба тела в броне, а я проверил, там кроме двух трупов никого не было, выкинул наружу, тоже всё сняв. Потом полил из фляжки на тряпку, что нашёл под сиденьем водителя, и отмыл салон от крови и мозгов. Да, я собираюсь забрать себе эту броню. Штука неплохая, плавать умеет, пригодится, да и скорость способна высокую держать. Из оружия моими трофеями стали десять винтовок М-16, один ручной пулемёт М-60, три пистолета «Кольт» и броня в обвесе, с крупнокалиберным пулемётом М-2. Гранат по четыре штуки в подсумках, почти сорок штук. Я посмотрел, в бронетранспортёре четыре канистры с бензином в держателях, и в баке две трети. Километров на сто хватит, конечный маршрут, куда Ван вёл беженцев, в семидесяти километрах находится. Там деревня на берегу реки, довольно крупная. И река, и деревня.

Дальше пощупал, как там бинт, я взял бинт из индивидуального медпакета, просто намотал, закрывая рану, и сверху кепи одного из солдат, чтобы не размотался. Всё ценное с беженцев я уже собрал и погрузил в бронетранспортёр, это девчатам отойдёт. Там я и свои вещи нашёл, то есть Вана. И винтовку его с дороги поднял, целая. Патронов к ней мало, всего шесть штук. Дальше провёл по пандусу и усадил девчат внутрь брони, на лавки. Они пришли в себя, хотя ходили с трудом, так и сидят, завернувшись в одеяла. Вернувшись наружу, сунул гранату без предохранительного кольца под тело сержанта и, подняв пандус, устроившись на месте механика-водителя, запустив движок, погнал по дороге. Ну как погнал, слабоват тут двигатель, километрах на сорока потащился. Что будет, когда съеду с укатанной дороги, даже думать не хочу. Все дороги я тут, благодаря Вану, знал, поэтому был уверен, добраться до деревни на броне смогу. Главное – не нарваться на военных, и те и другие нам опасны. Потом продам броню, всё оружие и сваливаю из страны. Путешествовать отправлюсь. Сейчас съедем с дороги, отъедем подальше, и надо раной заняться. Кровоточит.

Трясло в машине не сильно, катили спокойно, проехали около двух километров по этой дороге, что насыпью пересекала рисовые поля, дальше возвышенность пошла, и я свернул, уходя на едва заметную тропку. Будут искать машину, по следам, конечно, найдут, где та про-

езжала, но я собираюсь уехать далеко. Машина мощным передком подминала сначала траву, потом небольшой кустарник, по днищу тот только и скрёбся, довольно противно, как по стеклу. Дав больше газу, я забрался на небольшой холм и там, встав, выглянул из люка водителя. Осмотревшись, закрыл люк, машина вообще по-боевому шла, и стал спускаться с другой стороны. Стемнеет часа через два, думаю, успею подготовиться. Пересекли вброд речушку метров десять шириной, но там глубина по пояс, возможности держаться на воде испробованы не были. Однако дно топкое, но ничего, преодолели, не застряли, и, выбравшись с другой стороны, подминая листья, руша завесы лиан, катили дальше. Мы по джунглям двигались, мотало тут на корнях серьёзно. Я опасался, как бы гусеницы не потерять или не сесть на днище, но выбрались на тропу, звериную и, проехав ещё немного, встали. Двигатель заглох, я отключил его, и наступила наконец тишина, час в этой грохочущей коробке вышел тяжёлым. Природа вокруг постепенно начала оживать, звуки появились, трели птиц.

Покинув место водителя, я зажёл освещение и спросил у девчат:

– Вы как?

– Тяжело, – сказал одна.

– Ясно. Тогда слушаем меня. Тут метрах в десяти ручеёк протекает, идёте туда, мыться. Одежду я собрал из вещей, что были у группы. Переоденьтесь. Дальше, вот тут еда и утварь. Ваша задача – развести костёр и приготовить ужин на четверых. Я же потом уйду. Вернусь ночью. Машина останется тут, вы будете её охранять. С оружием обращаться умеете?

– Нет, – ещё и головами покачали.

– Ладно, тогда просто ждете. Тут рядом американская военная база, откуда эти бандиты были, а у меня рана на голове, шить нужно, хочу их медиков посетить, под дулом пистолета всё сделают. Вернусь, и дальше поедem. До самой деревни, куда я вас вёл.

– Хорошо, – тихо сказали девочки.

Дальше я открыл пандус, опустив его, и показал, как запирается внутри, если будет какая опасность. Потом вещи из трофеев аккуратнее переложил. Под лавками обнаружил рюкзаки солдат, но не трогал, потом посмотрю. Пока девчонки мылись в стороне, у меня под рукой винтовка заряженная была, я осматривал оружие, от всего несло порохом, да и бортовое оружие брони грязное, ну и стал заниматься чисткой. Хорошо, я эти винтовки знал, точнее с М-14 знаком был, изрядно пострелял на стрельбище, тут система одна, вот только с чисткой морока. С пулемётами сложнее, ручной я только видел, чистить не доводилось, да и крупный тоже, но справился. Всё оружие было заряжено и сложено у кабины бронетранспортера. За это время девчата привели себя в порядок, переоделись и стоговили ужин, мы совместно поели его, сидя рядом с бортом бронемашины. Мне двойная порция была. После этого я стал собираться, стемнеет минут через десять, хотя у нас тут уже темно становилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.